

Лариса ЯЗОВСКАЯ

ПРОТИВНАЯ ДЕВЧОНКА

Повесть в трёх частях

**«РЕНОМЕ»
Санкт-Петербург
2006 г.**

ББК 84.3 Р7
Я 407

Главный редактор – Максим ШВЕЦ
Редактор – Алексей КРОТОВ
Художник-дизайнер – Марина ЯСЫЧЕНКО

Язовская Л.М.

Противная девчонка: СПб.: ИП Генкин А.Д. 2006 –
96 с., илл.

ISBN 5 - 98947 - 014 - 2

Новая книга Ларисы Язовской рассказывает о непростой судьбе девочки-подростка, из дальневосточного городка попавшей прямо на фронт в санитарный поезд-обоз. Девочка – не такая, как все, изгой среди сверстников. Это детское состояние откладывает отпечаток на всей её жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Язовская Л.М. СПб, 2006

© Ясыченко М.Б. Иллюстрации СПб, 2006

© Кротов А.А. Предисловие редактора СПб, 2006

© Швец М.Ю. Предисловие издателя СПб, 2006

© ИП Генкин А.Д., СПб, 2006

*Язовская
Лариса Михайловна*

Предисловие издателя

Книга Ларисы Михайловны Язовской несомненно представляет интерес для широкой читающей публики.

Это повесть о непростой, в чем-то трагичной, в чем-то счастливой судьбе девочки-подростка времен Великой Отечественной войны.

«Противная девчонка» – не просто героиня книги, это сложившийся на то время стереотип. Изгой, не такие, как все, отщепенцы, враги народа – вот типичное для сталинской эпохи отношение «нормальных», послушных к людям, не уместающимся в рамки их понимания *. Понять, собственно, никто и не пытался, никто, кроме таких же «ненормальных», других, чем-то выделяющихся, отличающихся от большинства. Отголоски того времени, к сожалению, сохранились и по сегодняшний день. Если в классе кто-то получает пятерки, значит, этот ученик – выскочка, подлиза, подхалим или просто – блатной. К двоечникам относятся проще, с пониманием – «Кому же охота учиться? Так не бывает».

Повествование Ларисы Язовской необычайно сконцентрировано: нет лишних эпизодов, случайных сцен, ненужных деталей. Лирика и тонкая ностальгическая сентиментальность придают рассказу автора необыкновенную реалистичность, достоверность. «Всамделешный» или «невсамделешный» зек, «настоящая» или «ненастоящая» балерина, танцующая соло – все это органично и конкретно подчеркивает живую, тревожную, жесткую, а часто и жестокую атмосферу времени.

Книга эта – не мемуары, это – основанная на действительных фактах художественная проза. Есть тут художественный образ, авторский вымысел и увлекательный, динамичный приключенческий сюжет. Главное, что книга необходима. Сегодня создаются новые стереотипы. Изгоями становятся как раз неудачники, неуспешные люди, скажем, те же двоечники.

* Вспомните, наше школьное вдалбливание слегка искаженных слов вождя мирового пролетариата: «искусство должно быть понятно народу».

Сейчас общество вновь раскалывается на элиту (в те времена это была партийная элита, отнюдь не все коммунисты) и на плебс. И вполне вероятно, что родись героиня повести в нашу эпоху, она опять попала бы в «лишние люди», не войдя ни в ту, ни в другую общую массу.

Максим ШВЕЦ

Предисловие

Дорогие друзья-читатели!

Перед вами очередная повесть писательницы и журналистки Ларисы Язовской, уже знакомой вам по повести «Теорема Ферма» («Записки сталинского винтика»). Новая повесть Ларисы Михайловны «Противная девчонка» охватывает эпоху от 30-х до 90-х годов XX века.

В повести три части.

Первая – «Трахома» описывает тяжёлую таёжную жизнь 30-х годов. Главная героиня, Мара – этакий гадкий утёнок, ненавидимый матерью и шпыняемый сверстниками. Но трудолюбие, отвага и природные таланты девочки помогли ей самоутвердиться и найти себя в этом мире в качестве примы-балерины небольшого таёжного городка. «Противную девчонку» отличает аскетичный реализм, пожалуй, даже натуралистичность стиля в определённом диапазоне этого термина.

Во второй части, «Шинель первой мировой», действие происходит во время Великой Отечественной войны. Мара работает при аптечном вагоне помощницей. Ночью, догадываясь о предстоящей бомбардировке поезда, она спасается бегством и, переплыв Волгу, укрывается в доме одного старика. Потом Мара возвращается к разбомбленному обозу и, приведя в порядок оставшиеся медикаменты, доставляет их к месту назначения. Во второй части жестокая реальность войны интересно сочетается с несколько утрированным описанием бегства Мары и особенно старика: его внешности, поведения, разговора.

Третья часть повести, «Покаяние врага», переносит героев в наши дни. Мару попросили переводить на общественных началах на конференции с участием немецкой стороны. Один из выступавших немцев рассказывает, как бомбил на своём «Мессере» санитарный поезд, и Мара неожиданно с ужасом понимает, что это именно он управлял тогда тем последним «Мессершмидтом».

Повесть Ларисы Язовской продолжает так называемую «социальную тематику» в её творчестве. Как и предыдущая повесть, «Теорема Ферма», «Противная девчонка» даёт правдивую, реалистичную картину описываемого времени; в повести чётко прописаны характеры, достоверна психологическая их составляющая. Отличительная особенность творчества писательницы – непреложный оптимизм и неиссякаемая вера в Человека.

Алексей КРОТОВ

ЧАСТЬ 1
«ТРАХОМА»

Глава 1

Брусничная поляна в дальневосточной тайге

Девчонка стояла на коленках, стараясь как можно ближе наклониться к земле. Стояла тёплая сухая дальневосточная осень. Небольшая поляна была сплошь покрыта спелой брусникой. Даже её маленьких жёстких листьев почти не было видно. Красным-красно. А, если точнее, то на поляне преобладал тёмно-малиновый цвет. Ягоды были спелыми и сладкими, а девчонка была, как всегда, голодна. Одним ловким движением она заполняла узенькую грязную ладонку крупными спелыми ягодами и, немного запрокинув тонкую шею, закидывала в рот пригоршню за пригоршней и, смачно хрустя, жевала и глотала спелую ягоду, тотчас же устремляясь за новой горстью. Она осторожно ползла по поляне, боясь помять ягоды. Казалось, она решила съесть все ягоды на поляне, да так оно и было – она хотела все их съесть! Медленно ползая, она ела и ела бруснику, целиком захваченная этим занятием.

На вид девчонке было лет восемь-десять. На ней было грязное рваное платье с оборками около выреза, которое иногда стиралось её неумелыми руками, но никогда не проглаживалось. Вообще, вид у девчонки был неважный – платье ей было уже не по росту, коленки сбиты, сандалии, надетые на грязные белые дырявые носки, тоже были рваными, кое-где прихваченными тонкой проволокой, а тёмные косы кое-как заплетены и завязаны давно уже потерявшими свой цвет лентами. Лицо девчонки и руки были вымазаны брусничным соком. Яркие пятна этого сока украшали её платье.

Девчонка ела бруснику быстро и жадно, как будто вот-вот отнимут...

Она была ловкой, и движения её были грациозны, хотя девчонка об этом и не догадывалась, ни о чём подобном она никогда не задумывалась – у неё были другие заботы...

Внезапно, буквально мгновенно она почувствовала тревогу... Проводящая всё время в тайге, она улавливала малейший посторонний шорох, даже совсем незначительный... она почувствовала, что не одна на поляне лакомится спелой брусни-

кой, и медленно, бесшумно, прижавшись к земле, плотно-плотно, так, чтобы её совсем не было видно, чуть подняла голову и посмотрела... По другой стороне поляны брёл огромный медведь, яркие лучи полуденного солнца высвечивали его длинную бурую, а на солнце казавшуюся рыжей шерсть. Он, так же, как и девочка, наслаждался спелой брусникой, подхватывал её огромным розовым язычищем и забрасывал ягоды себе в пасть, как девчонка своей узкой, с плотно сжатыми пальцами ладошкой. Он, как и она, тоже целиком был занят поеданием брусники, и его морда была опущена вниз, к ягодам.

Девчонка заледенела. Страх так сковал её, что она замерла. Девчонка знала, что если повстречаешь в тайге зверя, нужно замереть, слиться с местностью, не делать никаких движений, даже не дышать.

Её никто этому не учил, её вообще никто ничему не учил, она поняла это сама...

Тихо в тайге, лист не шелохнётся, только слышно, как чавкает брусникой огромный бурый медведь...

Он шёл другим краем поляны и, не заметив девчонки, даже не посмотрев в её сторону, побрёл в чащу, хрустя ветками. Наверное, наелся? Девчонка ещё долго находилась в состоянии «Замри!» и только тогда, когда тишина в тайге установилась надолго, соскользнула со своего места в сторону, совсем не туда, куда ушёл медведь и, не произнеся ни звука, скатилась с сопки в овраг, проползла по его дну, выпачкавшись ещё больше, потом быстро нашла тропинку, ведущую к железнодорожной насыпи, и только здесь бросилась бежать. Ноги у девчонки были длинными и быстрыми, и одним махом она домчалась до железнодорожного полотна, перемахнула его и наконец перевела дух. Она знала: за железнодорожное полотно таёжные звери не заходят.

Глава 2

В бараке

Девчонка сидела на пригорке и смотрела на блестящие под солнцем рельсы. Поезда здесь ходили редко – и товарные, и пассажирские. Это она знала. Про поезда она знала

всё. Хотя часов у девчонки никогда не было, она точно определяла время и знала, когда какой поезд куда пойдёт.

Сейчас никакой. Никакой поезд никуда не пойдёт. Можно спать на рельсовом пути. Но девчонка растянулась на пригорке. Здесь тоже никто не пойдёт. Здесь никто не ходит. Никогда. А если лечь тихо и совсем не шевелиться, то кузнечики будут стрекотать под её носом, можно даже будет видеть, как они трутся лапками о свои бока. И усики можно будет увидеть. И глазки. Хорошо на пригорке. Земля прогрелась, и девчонка лежала на ней, как на печке, её рваное платье сохло – когда она бежала от медведя, то вся вымокла на дне оврага, пока не увидела тропинку. Она хорошо знала, где проходит эта тропинка, но мчалась, в страхе не разбирая дороги.

А какая там была брусника! И, хотя она прекрасно знала, что наестся ягодами нельзя, (всё равно есть будет хотеться), но брусника была такая вкусная, крупная и её было так много! Медведь тоже, наверное, всё это знал... И она стала думать, а думала она очень часто и подолгу, чья же это была поляна – её или медведя? Кто к кому пришёл в гости за угощением? Ведь она знала эту поляну давно и видела, как буйно цвела брусника жарким летом... А может, медведь тоже знал об этом?

Никогда, никогда не находила она ответов на свои жизненные вопросы. Эти вопросы она задавала сама себе, больше – было некому...

Но надо было идти в барак. Перед ней всегда стояла задача – проскользнуть в барак незаметно, чтобы никто не увидел, не обругал, не прибил... Она знала, что её не любили, и дети не брали её в свои игры... «Фу, противная девчонка!» – это она слышала всё время, везде.

Наверное, она и была противной – рваной, немойтой, вшивой, с вечными непроходящими болячками на сбитых коленях и локтях.

Девчонка вздохнула. Ей совсем не хотелось быть противной. Но надо бежать в барак, иначе она не успеет... сейчас пойдут из тайги с корзинами ягод, грибов, всякой таёжной всячины...

Она мигом вскочила на ноги и только ей известным путём пустилась к бараку. Барак стоял почти вплотную к рельсовому пути, а ещё рядом, за глухим забором, проходила железнодорожная ветка...

Всё. Никто не видел. В тёмном углу она достала ключ от комнаты, мигом её открыла и сразу же закрыла на два оборота изнутри, побежала в свой уголок за фанерным шкафом, села на стул и только тогда начала дрожать... Больше всего она боялась заболеть, тогда совсем плохо, еды никак не добыть!

Было чего бояться – у девчонки был туберкулёз лёгких. Школьный врач, Пётр Иванович, пославший её на очередной рентген (девчонка всегда боялась рентгена, вот ужас, одна в камере, всё дребезжит, не выйти живой) заявил, что он удивлён до крайности, но сейчас, а, может быть и навсегда, она здорова, туберкулёза нет.

Девчонка не поверила, она не верила никому и ничему.

Но её озноб был от испуга. «Хозяин тайги» изрядно напугал девчонку. (А туберкулёз у неё действительно прошёл – постоянное пребывание в тайге, сухой климат, чистый таёжный воздух, постоянное едение таёжных трав, кореньев, ягод сделали своё дело.)

Но девчонка продолжала дрожать и забилась под одеяло в своём углу за фанерным шкафом. Хотя бы горячего кипятку выпить! Но она знала, что её к барачной плите не допустят, прогонят вон, а сейчас как раз плиту растапливают.

Девчонка жила с матерью. Из-за матери её уже однажды побили и прогнали с плиты. Появление матери в барачной комнате всегда приводило девчонку в ужас: мать распахивала настежь широкую дверь, останавливалась на пороге и с искажённым от злости лицом молча оглядывала помещение, ища глазами девчонку. Обнаружив её, она долго злобно смотрела на неё, затем выкрикивала своё обычное:

– Ты!!!

(А голос у неё был громовой).

Имени у девчонки не было. Вообще-то оно было, но никто её по имени не называл. Учителя в школе называли её, как и всех учеников, по фамилии, а ученики...

Когда она пришла в первый класс, она не знала, как скрыться от одноклассников. Все пришли нарядные, девочки с бантами в волосах, многие с родителями...

Она пришла одна, в мятом платье, с большим не по росту портфелем, в нестиранных коротких штанишках, с растрёпанной головой, кое-как заплетёнными косичками... А главное – глаза! Она ничего не знала о своих глазах, просто они сильно чесались, и она всё время тёрла их грязными кулачками...

Все стали рассаживаться по партам, ей хотелось сесть ближе к учительнице на первую парту, но подошедший туда же мальчишка закричал:

– У-у-у! Уйди, ты, Трахома, ни за что с тобой не сяду, уходи!

Трахома в те времена было очень распространённое заразное глазное заболевание, глаза у заболевших становились красными и гноились...

У девочки глаза тоже были красными и кое-где виднелись крупинки засохшего гноя, но трахомы у девочки не было...

Тем не менее, прозвище мгновенно и накрепко прилипло к ней, иначе, чем «Трахома» её потом никто не называл, а её настоящее имя никто и не спросил...

Пришлось ей сидеть одиноко на последней парте.

Ну а мать? Мать называла её «Ты!!!», в бараке её никак не называли, или: «Эта самая, из угловой».

Учительница направила девочку к школьному врачу Петру Ивановичу, он запретил ей тереть глаза грязными руками.

– Руки надо мыть! – заявил он и назначил приходить к нему каждый день, он закапывал ей в глаза какие-то капли...

Врача девочка послушалась – стала мыть руки, храня как драгоценность кусочек мыла, который дал ей врач, дома мыла не было, как и вообще ничего, что нужно для нормальной жизни. Вытирала она руки чистой тряпочкой, научилась её стирать, к врачу ходила всё время и... глаза у неё стали нормальными, здоровыми, теперь она берегла их и не тёрла, но прозвище «Трахома» за ней так и осталось.

...Девчонка ёжилась и дрожала, затем залезла под одеяло в своей кровати за фанерным шкафом и заснула в надежде, что кто-нибудь оставит чайник с горячей водой на плите, и ночью она, когда на кухне никого не будет, прокрадётся по барачному коридору с жестяной кружкой и нальёт себе горячей воды.

Мать, как обычно, куда-то уехала и сказала, что еду ей будут приносить, но никто ничего ей не приносил...

Однажды она пожаловалась матери, что еду не носят... и была избита. Физическая сила у её матери была огромная, и девчонка уже не думала остаться в живых!

– Как ты смеешь?! Да он коммунист! Он дал мне слово и взял мои деньги на твою еду!

Никакого коммуниста девчонка никогда не видела, может, он и был где-то, может, он и сдержал данное слово, девчонка же только однажды видела огромную толстую бабищу с тупым и злым лицом. Та, не постучавшись, ворвалась в комнату, долго разглядывала всё, что в ней есть и саму девчонку, молча стукнула об стол узелком. Затем, смерив девчонку презрительным взглядом, ушла. Девчонка развязала узелок. Там была четвертина молока и несколько лепёшек. Она съела всё мигом... и больше бабища не появлялась.

Девчонка много чего боялась, но самый жуткий ужас в ней возбуждали здоровенные тётки... Они её не терпели, и ей от них сильно доставалось... И откуда только такие тётки берутся?

Однажды дело дошло до беды. Вот тогда девчонка и заболела туберкулёзом лёгких...

Это было ещё в России. На Дальнем Востоке в те времена европейскую часть страны называли Россией.

Девчонка запомнила деревушку на берегу реки с очень быстрым течением. Мать вечно отправляла её куда-нибудь... На этот раз это была деревушка, где с большой семьёй жила её бабушка по материнской линии.

Бабушка была высоченная, здоровенная, сильнющая...

В избу можно было пройти только через хлев, дальше шли ступеньки к входной двери. В хлеву жила корова. Баб-

ка её доила. Однажды девчонка зашла в хлев в тот самый момент, когда бабка доила корову, и струйки молока звенели в жестяном ведре. Девчонка нечаянно произвела какой-то шорох, корова испугалась, дёрнула ногой, и ведро с молоком на дне, громко звеня, опрокинулось. Бабка закричала на девчонку своим громовым голосом, прокричала какое-то проклятие, и в девчонку полетела тяжёлая литая медная подставка. Бабка промахнулась, и подставка с литыми узорами врезалась в бревно избы. Девчонка не попала под удар только потому, что она мигом отскочила в сторону, так как мгновенно поняла, куда летит подставка, но потом она широченными от ужаса глазами смотрела на глубокие вмятины на бревне избы, и в её детской головёнке возник недетский глубокий философский вопрос: «Как же нужно меня ненавидеть, чтобы запустить в меня такой штуковиной! Что я сделала?»

Её бабка была одной из тех огромных, сильных, могучих бабищ, которых всю жизнь она боялась.

А бабка, наоборот, не боялась никого и ничего. Девчонка думала, и может быть, это было и правдой, что её бабка в ссоре со всеми соседями – что бы они ей ни говорили, на всё был злой громовой ответ.

Девчонка всеми силами старалась не попадаться бабке на глаза, но иногда ей это не удавалось. Однажды бабка была особенно зла. Девчонка никогда не могла понять, почему бабка так злится на всех и вся. Ведь кругом было так много всего интересного!

Так вот, однажды девчонка тихо сидела в своём уголке, бабка ворвалась в избу точно так же, как теперь её мать входила в комнату барака, со всей силой распахивая с грохотом дверь.

– Ты! Ещё ты тут! Батьке ты не нужна, мамке ты не нужна, и мне ты не нужна!

У девчонки сжалось сердце, и на лице отразился ужас. Весь её вид как бы говорил: «Что я сделала?» Но бабке было не до её вида и выражения лица, она пнула её ногой и занялась своими делами. Напуганная до последней степени, девчонка дождалась, пока бабка отвернётся, тихонько наде-

ла своё пальтишко, нацепила капор и бесшумно выскользнула из избы.

Была ранняя весна. Дул ветер. Девчонка пошла к реке. Шёл ледоход. Чёрные воды речки быстро катились одна за другой.

«Я никому не нужна? – думала девчонка. – Так лучше мне не быть, чтобы бабушка не гневалась так!»

Она дошла до речки. Кругом было пустынно и холодно. Посредине реки было видно бревно, на нём висели зелёные водоросли, обнажая то ли причал, то ли помост для полоскания белья. Были видны и доски, по ним перекатывались быстрые волны речки. По доскам девчонка дошла до бревна и подумала: «Вот так легко с него соскользнуть в самую быстрину. Страшно, но ничего!»

И она соскользнула...

Больше она уже ничего не помнила. Не помнила, как она попала под большую льдину, как стремительно несла её чёрная вода реки всё дальше и дальше... Не помнила ничего.

Очнулась она на берегу, вокруг неё толпились женщины.

– Смотрю, несётся что-то по реке, присмотрелась – ребёнок! Как она туда попала? А, видно, городская – пальто, капор с лентами, туфли...

На берегу работали женщины из деревни, они-то её увидели и выловили.

Не удалось...

Девчонка насквозь промокла и оледенела, но сама дошла до бабушкиной избы, вошла в хлев, поднялась по ступенькам к широкой двери избы, да так и стояла – боялась войти. Там её и обнаружила соседка и истошным голосом стала ругать бабку:

– До чего довела ребёнка! Вся льдом покрыта, а дверь открыть боится!

На голос явилась бабка и ахнула...

Долгие дни тогда девчонка металась в жару – воспаление лёгких, ещё что-то, только помнит, что купали её в корыте с горячей водой, сплошь покрытой еловыми иголками, да призывала бабка ясновидящую, которую девчонка запо-

нила на всю жизнь: в избу вошла высокая, тонкая, прямая и стройная женщина, совсем не старая и очень красивая какой-то отвлечённой, неземной красотой. Лицо у неё было белое, в отличие от грубых, загорелых лиц деревенских женщин, одета во всё чёрное и повязана чёрным платком, закрывавшим лоб до самых бровей, тоже чёрных, красиво изогнутых. На всю жизнь девчонке врезался в память образ этой необычайной женщины.

Бабка, на сей раз удивительно молчаливая, задала ей только один вопрос:

– Помрёт?

Ясновидящая бросила на девчонку только один быстрый взгляд прекрасных чёрных глаз:

– Не время.

И исчезла.

Потом город, туберкулёз, долгая бесконечная болезнь...

...Барак затих, и девчонка проснулась. «Нет, я не заболела, просто испугалась, – сказала она сама себе. – Вот бы кто-нибудь оставил на плите чайник с горячей водой!»

Она взяла жестяную кружку и тихонько стала прокрадываться по коридору. На плите стоял огромный, чёрный от копоти чайник. Девчонка налила себе горячей воды, быстро, но бесшумно пробежала к себе в комнату, выпила воду, согрелась и быстро нырнула в кровать.

Глава 3

Надо идти в школу

Утро оказалось холодным и солнечным, девчонка хорошо выспалась. Школа была для неё... Ей самой непонятно было, чем для неё была школа. Многим – и хорошим, и очень плохим. Хорошее – учителя и сама учёба. Любознательная по природе, она очень любила учиться, и учителя её не били, не называли скверными словами, не говорили ей, что она им не нужна... А учиться было так интересно!

Плохое – мальчишки, которые её били с криком: «Бей Трахому! У неё матка комиссар!» И наваливались на неё

кучей, когда она шла из школы, или ещё где-нибудь, где встречали её... Но она старалась им не попадаться, вне школы найти её уже нельзя было, она так научилась скрываться – везде – на пустыре, в тайге, в кустах близ железной дороги. И кем была её мать, комиссаром или ещё кем, девчонка не знала. Матери почти никогда не было дома, она часто и подолгу куда-то уезжала и девчонку она страшно не любила, иногда даже выгоняла из дому...

И ещё: далеко не все дети любили учиться, они ленились, любили списывать задания, у них были грязные учебники и тетрадки, и руки все в чернилах. Её не любили за то, что она так внимательно слушала уроки, другие девчонки хихикали и дразнили её, а мальчишки угрожали: «Глянь на Трахому, уши топориком, слушает! Ну, мы ей дадим после уроков!» Девчонка переставала слушать урок и начинала изобретать пути отступления по глухим оврагам, прорезавшим весь город, – как бы удрать незамеченной к себе в барак на самом краю её кормилицы – тайги.

В барачной комнате у окна у девчонки был маленький столик, где она готовила уроки и читала растрёпанные книжки из школьной библиотеки.

Собственно уроки она делала только письменные, в особенности ей нравились упражнения по русскому языку, а над задачками по арифметике она сидела подолгу, решала их и записывала в тетрадку очень аккуратно, без единой помарочки.

Устные уроки девчонка помнила. Стоило ей послушать учителя, как она всё хорошо запоминала. И ещё, она очень любила рассматривать картинки в учебниках.

В этот день делать ей для школы было нечего – все уроки были выучены, и все упражнения были в тетрадках. Она аккуратно собрала всё в портфель, осмотрела ручку, вставила новое пёрышко №86, ещё раз заточила карандаши и убрала всё это в пенал. В школе полагалось писать только этим пёрышком, в то время в школе проводились уроки чистописания. Нужно было аккуратно выводить тонкие и жирные линии, а это могло делать только пёрышко №86. Другие пё-

рышки, которыми школьникам так хотелось писать, например, пёрышко, которое они называли «уточкой», писало ровно, не утолщая и не делая более тонкими части букв.

Ну вот, портфель, наконец, был упакован, девчонка надела мягое школьное платье, как ей хотелось его погладить! Но гладить девчонка не умела и страшно боялась горячего железного утюга с красными углями внутри! А вот единственные ленточки для косичек она научилась гладить – она смачивала их водой и аккуратно наматывала их на трубочки спинки своей кровати. Они высыхали и становились гладкими.

Всё. Делать в бараке больше нечего! Девчонка очень рано выходила в школу. Во-первых, в бараке было пусто и уныло, во-вторых, по пути в школу могла ожидать мальчишеская засада, что ещё бывало, но уже реже, мальчишки большей частью на уроки опаздывали. И всё же...

Пути-дороги она прокладывала сама – школа была далеко, в «городе», их притаёжные бараки за город не считали. Она шла не улицами, а по дну оврагов, и выходила к стадиону.

Удивительный то был стадион! Настоящий, с трибунами, огромным футбольным полем с воротами, беговыми дорожками, кассами для продажи билетов на спортивные состязания и многим другим, назначения чего девчонка не знала, но... там никогда никого не было! Ни футболистов, ни зрителей на трибунах, вход всегда был закрыт, кассы стали разваливаться сами по себе, как и забор вокруг стадиона. Очень интересный забор! Не просто доски, а всевозможные геометрические фигуры из дерева, но сделанные так, что через них не пролезть! И раскрашен забор интересно – белой и светло-коричневой краской.

Но девчонка знала, что и забор рухнет сам по себе. Если подлезть к нему со стороны оврага, то есть местечко, где эти резные фигуры отвалились, нужно только отодвинуть фигуру, ромб, в сторону, пролезть боком, потом опять задвинуть – и она на стадионе!

Огромный! А вокруг большие деревья, а кусты как разрослись! На беговых дорожках и на футбольном поле бурьян и ...никого! В первый момент ей всегда было жутко. Ста-

дион-призрак! Как те корабли-призраки, она их видела в кино и читала о них в книжках.

Шла она не по полю стадиона, а по заросшей травой беговой дорожке, так, чтобы её не было видно, хотя на стадионе никогда никого не было. Ей всегда, даже при ярком осеннем дальневосточном солнце, было немного жутковато на совершенно безлюдном стадионе, как раз предназначенном для очень большого количества людей. Девчонка размышляла, почему ей страшно и, как всегда, отвечала сама себе: «Мне страшно потому, что стадион мёртвый, а на кладбище всегда страшно».

У неё были свои секреты, из оврага она выныривала на большую улицу, где находилась школа. На стадионе надо было найти только ей одной известный угол, где буйно разрослись кусты, и отвернуть деревянную планку, теперь уже в виде квадрата. Девчонка знала, что квадрат держится на одном гвозде, она его отогнёт и пролезет, потом надо от забора стадиона соскочить на тропинку, ведущую в овраг, и подняться по этой тропинке из оврага, где на краю стояли небольшие деревянные дома с садами и огородами и где (когда об этом девчонка вспомнила, то тяжело вздохнула), росли красивые цветы. У них перед баракком тоже были огородики, а у некоторых, например, у их соседки, у которой была длинная узкая комната с единственным окном, росли такие красивые, большие, разноцветные астры! На них девчонка любовалась сбоку. А перед окнами комнаты девчонки, а окон было целых три, рос курительный табак. Здесь, в этих местах, он рос превосходно, выросстал высокий, с очень крупными листьями и толстыми стеблями, и был такой противный! Мать девчонки курила. Фу!

Девчонка благополучно прошла через овраг и спокойно и деловито зашагала к школе. Этот путь был уже безопасен.

Она всегда приходила раньше всех, вешала своё грязное пальтишко на вешалку, складывала учебники и тетрадки в парту и выходила в коридор, где долго стояла одна у окна.

– Вот она где, Трахома!

В коридор вбежала толпа мальчишек.

Девчонка вздрогнула. Скорей всего, они в овраге устроили ей засаду, некоторые жили в ближайших домах. Она

их обманула, но... на обратном пути из школы... Она уже не пойдёт через стадион, вечером ей там страшно, там много пустых помещений, раздевалок, ещё чего-то... А что, если там прячется сбежавший зек? Она пойдёт домой по улице...

В течение всех уроков, которые она по-прежнему внимательно слушала и аккуратно записывала, её терзала тревога.

Домой она шла в толпе школьников, снижая быстроту ходьбы (обычно она ходила и бегала очень быстро), но толпа эта всё редела, растекаясь в разные стороны.

Вдруг позади себя она почувствовала напор, её стали теснить и, наконец, затолкали в придорожную канаву и, навалившись всей гурьбой, стали её бить, потом быстро исчезли...

Девчонка вылезла из канавы ещё грязнее и более измятая, чем прежде. Она не ревела, она беззвучно плакала, слёзы крупными каплями падали и падали на её лицо.

Реветь девчонке не разрешали. Она с завистью смотрела, как режут другие дети, смачно режут, в досталь. Как только она начинала реветь, ещё тогда, давно, до того, как она чуть не утонула в реке, её начинали бить: бабушка, дядя, мать, ещё кто-то, приговаривая:

– Ещё ты тут!

Она всем мешала. Но чем она помешала этим мальчишкам? В классе она сидела от них далеко, вела себя тихо, никогда ни к кому не обращалась, чтобы не услышать привычное: «Ещё ты тут!»

Учителям она тоже не мешала. Она часто ловила на себе их благодарные взгляды – она внимательно слушала их уроки. А мальчишки дразнили её ещё и подлизой: «Трахома – подлиза, она ни за что пятёрки получает!» Но она получала заслуженные пятёрки, она знала уроки!

К своему бараку она подошла с мокрым грязным лицом, опять растирая глаза грязными руками.

– Не три глаза, что тебе Пётр Иванович сказал?

Это была Юля, чудо-девочка со второго этажа барака, где располагались большие отдельные квартиры с комнатами, верандой, кладовкой, коридором и кухней.

Девчонке эти квартиры казались дворцами. Её, грязную и вшивую, в эти квартиры не пускали.

Девчонка продолжала тереть глаза, опустив голову.

– Я видела, как они набросились на тебя и свалили в канаву. Больно?

– Нет, обидно. Что я им сделала плохого?

– Как что? Ты сегодня две пятёрки получила, а они не верят, что ты знаешь уроки на пять.

– Но ведь я же отвечала!

– А они никогда не слушают и ничего не понимают. Ты такая...

Юля замолчала.

– Я стараюсь, я очень стараюсь, но у меня ничего не получается... я не умею... быть не противной девчонкой...

– Знаешь что, я скажу маме, когда мы пойдём в баню, чтобы она позволила взять и тебя, надо будет взять керосина...

– Керосина? Зачем?

– Если голову вымыть керосином, то вши пропадут.

Девчонка удивлённо открыла глаза.

– Голову керосином?

Но Юли уже и след простыл, она простучала своими туфельками по лестнице и наверху хлопнула дверью.

Девчонка и не предполагала, какая ссора была у Юли с матерью из-за неё.

– Зачем она тебе?! – кричала Юлина мать. – Она ходит по помойкам, всё еду ищет, грязная, вшивая, лохматая, смотреть противно! Нет других девчонок?! Я должна выводить её вшей?! А её мать на что? Раскрасавица, разодетая в шелка, вечно с мужчинами при чинах!

– Её никогда дома нет...

– Ясное дело! А я при чём?! Небось у девчонки ни мыла, ни полотенца нет, ни чистого белья...

– Можно взять наше старое полотенце, обмылки, моё старое бельё...

– Да зачем мне эта девчонка?!

Ссора длилась несколько дней. Наконец, юлина мама согласилась. Она упаковала в сумку несколько обмылков,

старое, рваное, но чистое полотенце, склянку с керосином и юлины старые штопаные штанишки – «Небось у девчонки и штанов нет!» – и оказалась права.

В баню пошли днём, когда было мало народу, юлина мама не работала.

Девчонка плелась за ними поодаль, они были такие нарядные, такие чистые, даже непонятно – зачем им в баню?

Когда они вошли в моечную, юлина мама приказала Юле мыться самой, а сама, ещё немытая, обмотав чёрные толстые косы вокруг головы, занялась девчонкой.

Вначале она её внимательно осмотрела – нет ли чего на коже. Кожа оказалась гладкой, тонкой и красивой. Только кое-где были рубцы от порезов, видимо, девчонка продиралась сквозь тайгу в большой спешке и не раз. Да, какое красивое тело! Ноги длинные, сильные, держится прямо, ну ладно, теперь займётся головой, вот тут уж явный беспорядок!

– А ну, иди сюда! – приказала юлина мама, проклиная себя за то, что поддалась уговорам дочери и тайно опасаясь, что эта дикая девчонка будет брыкаться, не будет слушаться и всё такое.

Но девчонка смотрела испуганно и тихо подошла к ней, во всём её слушалась, и первое наступление на вшей прошло успешно.

Юлина мама приказала девочкам ждать её в раздевалке и занялась собой, а сама неотвязно думала о девчонке: «Зверёныш-то несчастный! Ох, уж эта её маменька, ненавидит своё дитя!»

Вечером, на тёплой кухне, где юлина мама ждала мужа, а сынишка, ещё дошкольник, толстый Толька, безмятежно спал в дальней комнате, у матери с дочерью был серьёзный, но спокойный разговор.

– Ты почему выбрала её себе в подружки?

– С ней интересно, и она никогда не ссорится.

– Бойтся?

– Да, её все бьют – мать, мальчишки.

Юлина мама замолчала...

– А почему с ней интересно?

Юля оживилась.

– Она все песни знает, все книжки перечитала и очень интересно рассказывает, только она одна в классе учится на все пятёрки по всем предметам...

– Но ей же никто не помогает!

– Она сама себе помогает. (Юля вспомнила, как сама часто досаждала отцу с трудной задачей).

Юлина мама опять замолчала. «Сама себе помогает, это в её-то возрасте!»

– Ладно, вшей я ей выведу, она меня слушается и снова их не заведёт, и я тебе разрешаю играть с ней во дворе.

Глава 4

Первое сражение

Рано утром девчонка побежала в парк. Был в городе такой. Очень даже интересный. Большущий. Вход амфитеатром с высокими деревянными колоннами и всякими там завитушками, с кассой, с калитками для контролёров, с деревянной оградой, с аллеями, ровными и прямыми, но... тоже без людей. Как и стадион. Вход частично был разрушен, и в парк можно было войти во многих местах, например, всё равно нигде никого нет.

Но, в отличие от стадиона, (и девчонка воспринимала это как сказку), там были клумбы с цветами, цветы были взаимными, садовыми, красивыми, и за ними хорошо ухаживали – не было сорняков, а в сильные жары они всегда были политы. Но кто их поливал? Кто эти сказочные феи? Девчонка никогда не видела работников или работниц парка.

Она пришла посмотреть на цветы, полюбоваться ими.

Мальчишки, её заклятые враги, в парк не ходили. Там было так же безлюдно, как и на стадионе, за исключением детей, в основном девочек, приходивших покататься на «гигантских шагах», на карусели (это был большой круг и, если его толкать ногами, он вращался), на качелях.

Вокруг этих аттракционов было вытоптано и пыльно.

Девчонка пришла полюбоваться цветами, она знала, что зима придёт внезапно и неожиданно – в этих краях всё при-

ходит внезапно – и зима, и весна, а осень красива, но коротка, как и лето.

Она шла медленно и спокойно – мальчишки здесь не водятся. Она знала, где водятся мальчишки – в тёплых мелких таёжных озёрах, в мелких тёплых притоках Зеи. По тайге они тоже не бродят.

Она знала все клумбы наперечёт и узнала некоторые полюбившиеся ей названия цветов – вот большая круглая клумба горкой. Там растёт портулак. Ну до чего красив, в особенности утром, сейчас. Какими цветами он только не цветёт! От ярко-жёлтого до тёмно-малинового, сиреневого и синего, а лепестки блестят, как будто покрыты лаком.

А её любимый душистый табак! Он здесь тоже растёт, только клумбы длинные и образуют густые заросли, и он тоже разноцветный, больше всего ей нравились тёмно-бордовые цветы, но его дивный запах, которым она так любила дышать, был особенно силен поздним вечером, а ещё лучше ночью, при луне.

Летом она и ночью сюда приходила, только однажды её сильно напугали мальчишки – от главного входа парка к баракам был перекинут виадук, красивый горбатый пешеходный мост через ущелье. Ущелье было глубокое, без воды, по дну его пролегали железнодорожные пути, по ним ходили поезда, отчаянно гудели почему-то.

Однажды ночью она возвращалась в свой барак (обычно виадук был пуст и хорошо просматривался), как вдруг, дойдя до половины, она увидела толпу мальчишек, вечно шумные, сейчас они стояли молча. Девчонка была в панике – прыгнуть в ущелье – очень высоко, повернуть в парк – они её, несомненно, догонят, а в парке никого нет. И она отчаянно решила пройти мимо них. Будь, что будет, пройти быстро, пролететь.

К большому изумлению девчонки, они её только обругали, но не погнались, она же стрелой полетела в барак.

После этого случая она вечером и ночью не ходила через виадук, исследовала ущелье, и спускалась и поднималась по его крутым склонам. Ей было страшно в темноте, но мальчишки ночью ещё страшнее.

Вот бы привести в парк Юлю! Она бы показала ей ресторан. Чудо, а не ресторан! Стоит на самом краю обрыва, и есть деревянная терраса, откуда открывается вид на долину Зеи и её острова, и какой дивный вид! Ресторан был пуст – никто не готовил еду, и никто не ел её там, никто не любовался видом! Девчонка давно обследовала этот ресторан, осторожно, в случае опасности рассчитывая на свои быстрые ноги.

Там было всё для ресторана – эстрада для оркестра, но самого оркестра там не было, и было похоже, что никто там никогда не играл, там были отдельные кабинеты, двери были давно сорваны, и девчонка могла рассмотреть дивную резьбу по дереву, украшавшую эти кабинеты, большой общий зал, он был пуст, место для танцев, но там никто никогда не танцевал... Ресторан был круглый, абсолютно круглый, и на солнце сияла его зелёная крыша с шестом...

Он произвёл на девчонку такое же удручающее впечатление, как и пустынный стадион. Он построен для людей, для их удовольствия, развлечения... но где же люди? Почему везде всё вымерло? И она бежала к каруселям и доскам, на концах которых можно было прыгать. Только у аттракционов были женщины с детьми, девчонки...

Зима, как всегда, пришла внезапно. Вот и снегу полно, и мороз ударил. И большие проблемы с едой. В тайгу уже не пойдёшь – не пройти. Мать, как всегда, не заготовила ничего – ни дров, ни еды.

А другие... У кого-то заколот на зиму поросёнок. К примеру – у юлиного папы.

Когда поросёнка, ещё маленького, привезли, а Юля играла с одной из соседских девочек во дворе, юлин папа подошёл и спросил: «Ну, как назовём его? Я вам предлагаю три имени: Пороси, Мараси и Барабаси». Девчонки захлопали в ладоши и закричали: «Барабаси, Барабаси!» А называли его Васькой.

Юлина мама наделала из него украинских колбас, насолила сала с чесноком, и всего, всего, теперь в лютые морозы на юлиной кухне будет пахнуть кислыми щами со свиной.

Солили грибы, сочные мясистые грузди со всякими листьями и травами, большие сочные мясистые помидоры,

они здесь были красные и жёлтые, сушили травы, ягоды, всякую всячину, закладывали в вырытые погреба выращенную на делянках картошку, солили капусту... Много чего делали...

Заготовливали и дрова для плиты...

А девчонка дрожала от ужаса перед зимой, вот этой зимой она точно помрёт с голоду... Часами она просиживала на пустой холодной кухне, где не было ни крошки, и смотрела в окно. Из кухонного окна была хорошо видна помойка – большой деревянный ящик с крышкой, которая всегда была открыта. Девчонка ждала, когда кто-нибудь пойдёт на помойку с ведром, и в нём будут картофельные очистки, тогда она мигом выскочит на помойку, соберёт очистки, пока они намертво не примёрзли, а потом... потом как придётся – ошпарит их кипятком, сварит или съест сырыми. Мать опять уехала. Снова отдала деньги и карточки какому-нибудь таинственному коммунисту и явится, уже другая, но такая же мощная толстая бабища со злым лицом, поставит на стол еду и уйдёт... навсегда.

Так и вышло. А где взять еду? И потихоньку в душе девчонки панический страх перед матерью стал перерастать в негодование, а затем в ярость... Почему она должна из-за матери умирать?

И наступил момент, когда дверь их комнаты широко распахнулась, на пороге появилась мать девчонки и встала, яростно оглядывая комнату недобрым взглядом больших карих глаз.

– Ты?! – заявила она, всё ещё стоя на пороге и не входя в комнату.

Девчонка повернулась к ней спиной.

– Это ещё что за фокусы, стоит уехать...

Наконец, она вошла в комнату, плотно закрыла дверь, и, не обращая никакого внимания на девчонку, занялась своими делами. Девчонка зорко следила за ней из своего угла за фанерным шкафом.

Наконец, мать девчонки занялась своим ридикюлем. Этот ридикюль всегда интересовал девчонку, как и вообще все ридикюли. Он был из чёрной кожи, покрыт лаком, с замоч-

ком из блестящего металла. Замочек этот щёлкал, когда ридикюль закрывали. Сейчас ридикюль был открыт, и девчонка горящими от волнения глазами увидела в нём... хлебные карточки и деньги. Мать что-то искала там.

Одним прыжком, как таёжный тигр, девчонка очутилась у ридикюля, выхватила его из рук матери, мигом нашла свои карточки, взяла часть денег и вылетела из комнаты. Сообразив, что на улице пятидесятиградусный мороз, она спряталась в чулане, набитом всяким хламом. О существовании чулана мать скорее всего не догадывалась, она почти не бывала в бараке, а если и бывала, то не выходила из комнаты.

– Ты... ты... – мать задыхалась от гнева и металась по коридору...

«А вот и не найдёшь», – злорадно думала девчонка, укутавшись в какое-то тряпье.

В коридоре поднялся крик, шум, вопли, но в тёмный чулан не заглянул никто.

Поздно ночью девчонка вернулась в комнату. Матери не было. Хорошо спрятав свою добычу в комнате, она улеглась в постель, в чулане было так противно...

Потом в комнату во главе с матерью врывались с криком какие-то люди, а один мужчина с ехидцей заметил:

– Да она же спит в своей кровати, Ульяна Матвеевна...

Потом все ушли. Стало очень тихо. Девчонка только слышала, как у самой её кровати громовым, как у бабушки, голосом, мать заявила:

– Ну и живи, как хочешь, проклятое Демьяново отродье...

Это было имя девчонки, которым пользовалась её мать... Мать не разбудила девчонку, не стала требовать у неё карточки и деньги – было у неё одно правило: не трогать девчонку, спящую в постели (девчонка научилась притворяться спящей). Когда мать уходила, девчонка ещё спала, когда приходила... она уже спала.

Мать только произнесла свои гневные слова, а услышала их девчонка или нет, её не интересовало (девчонка услышала).

...Как хорошо идти в барак, когда несёшь полбуханки хлеба! Корочка уже замёрзла, покрыта инеем, девчонка отламывала по кусочку и ела всю дорогу, магазин, к которому прикрепили их барак, был далеко. А ещё был рынок, ну это уже совсем далеко, «в городе». Там, если хватит денег, можно купить головку чеснока, замёрзший круг молока, солёное сало, но на сало у девчонки денег не хватало... А ещё у девчонки в чулане было припасено немного коры для растопки – молоко можно было вскипятить и пить горячее с хлебом...

А в школе и в бараке – разговоров-то, разговоров: «Слышали, Трахома сама с карточками в магазин ходит, невиданное дело!», а потом ругали её мать бранными словами, хоть девчонка и возненавидела свою мать, слышать плохое о ней всё же было неприятно...

Глава 5

А на свете есть балет...

Домой из школы идти не хотелось. В их с матерью барачной комнате было одиноко, холодно, неприятно. Девчонка привыкла есть мало, теперь, после «нападения» на мать, (а она намеревалась постоянно на неё «нападать»), она готовила себе в школу завтрак – молоко, за которым она ходила далеко на городской рынок, и хлеб. Вот здорово! И дома сварена каша, она купила немного крупы.

Дома ждёт пустой барак, все на работе, и пустая холодная комната.

А в некоторых квартирах, вот в юлиной, было тепло! Они топили плиту углем, и все двери в комнаты были открыты... А в её бараке плиту затапливали только вечером, и дверь нельзя было открыть. А за ночь кухня вымерзала... Да ещё мальчишки... Наверное, опять засаду устроили?.. На морозе ждать надоест!

И девчонке в голову пришла странная мысль: ведь они могли её выследить, когда пойдёт в магазин с карточками и деньгами или обратно, с хлебом и продуктами, которые мож-

но, правда в ограниченных количествах, покупать без карточек... Нет, они её не выслеживали и ни разу на неё не напали! А она с первого раза, когда ещё только искала магазин, думала об этом непрестанно... Если они начнут её грабить, то ей конец! Нет, не грабили, а нападать стали реже...

Она бродила по пустым коридорам школы, ей было хорошо, школу она любила, это было для неё какое-то защищённое место в её совершенно незащищённой жизни...

И вдруг она услышала музыку – играл баян, а высокий молодой голос отсчитывал: и... раз два три, и... раз два три, и... раз два три... Что бы это такое было? Девчонка прилипла к двери, вслушиваясь... Она невольно налегла на дверь и ввалилась в класс.

Девочки стояли у стены и одной рукой держались за палку, прикреплённую к стене, делая приседания, и ноги их были в странном положении. Посреди комнаты стояла стройная молодая девушка, в красивом платье, таких платьев девчонка ещё не видела никогда.

Увидев девчонку, девушка прервала занятие и обратилась к ней:

– Ты хочешь заниматься балетом? Заходи, заходи. И очень внимательно и оценивающе осмотрела девчонку, всю.

– Как тебя зовут?

Девчонка опустила голову.

– Никак.

Синие большие глаза девушки удивлённо раскрылись.

– Такого не может быть.

Одна из девчонок хихикнула и заявила на весь зал:

– Её зовут Трахома.

– Девушка мигом отпрянула и посмотрела на глаза вновь пришедшей.

– Ты больна трахомой?

– Нет.

– А почему тебя так зовут?

– Решили, что у меня трахома.

– Но глаза у тебя... На сегодня занятия закончены, – заявила девушка. Пойдём к врачу, я видела, он ещё в кабинете.

Школьный врач Пётр Иванович сидел в своём кабинете и что-то писал. Увидев девушку, он весь просиял, улыбнулся и встал.

– Заходите, Галина Ивановна.

– Я тут привела девочку, про неё сказали, что её имя – Трахома.

Пётр Иванович долго смеялся.

– Ну, знатоки, придумают, да ещё девчонку обзовут. Понимаю, это Вас беспокоит. Трахома – заразная глазная болезнь и очень здесь распространённая. Но у этой девочки её никогда не было. У неё был острый конъюнктивит, она трёрла глаза грязными руками. Глаза у неё стали воспалёнными, веки красными, гнойными, но нет, трахомы не было, это было только похоже на трахому. Конъюнктивит я ей вылечил – посмотрите, глаза совсем чистые, и она больше не трёт их грязными руками.

– А ну, покажи руки!

Девчонка повиновалась. Руки у неё были чистыми.

– Ну, не трёшь больше глаза?

– Нет.

– Так что можете спокойно забрать её к себе в группу, если она Вам подходит.

Галина Ивановна опять привела девчонку в класс.

– Дай-ка я тебя проверю. Она поставила её к станку. Станком в балете называли палку, прикреплённую к стене, за которую держались ученицы, делая свои упражнения. Полагалось ещё и зеркало во всю стену, но его в балетном классе не было. Девчонка взялась за палку станка, Галина Ивановна подняла её ногу и отвела назад, показала ей ряд упражнений, девчонка в точности исполнила их.

– Просто поразительно! Гибкость и стойкость! Такое редко бывает. А ноги! Созданы для балета! Ты хочешь заниматься балетом, девочка?

– Я не знаю, что это такое.

– Это когда танцуют на пуантах, на носочках, под очень красивую музыку, и делают очень сложные па.

– Танцевать? Танцевать я очень хочу. Я люблю музыку.

– Ну, тогда приходи, только тапочки балетные надо иметь. Пока без касков, скажи маме, чтобы купила.

(Каски – деталь балетных туфель, когда танцуют на пуантах).

– У меня нет мамы, в общем-то она есть...

– Что-то с тобой не то: то имени нет, то матери нет, то она есть в одно и то же время. Как же тебя всё-таки зовут?

– Мара.

Галина Ивановна расспросила Мару о её жизни, всё больше и больше удивляясь.

– А как учишься?

Она ожидала ответ «кое-как, на тройки», или «осталась на второй год», а услышала:

– У меня по всем предметам «отлично».

Галина Ивановна опять удивлённо посмотрела на Мару.

– Уже поздно, иди.

Мара шла в свой барак необычно медленно. Она была, как она прочитала в какой-то книжке, «в растрёпанных чувствах». Она хорошо запоминала всё, что читала. Ей впервые уделили внимание, а она боялась этому поверить. Мара любила красивых людей с добрыми симпатичными лицами и стройными фигурами. Среди её близких таких не было. Её бабушка, огромного роста и мощная по виду, а не грациозная, как бы Маре хотелось, всегда была с искажённым от злобы лицом. Мать, с правильными и красивыми чертами лица, тоже смотрела на Мару с нематеринской ненавистью, а роста она была маленького, толстая и мощная на вид.

Девчонку обогнала пара, которой она залюбовалась: высокие, стройные, красивые... радостные! Да это же доктор Пётр Иванович и учительница балета Галина Ивановна! Девчонка посмотрела им вслед с понятной благодарностью.

А вечером дома у Галины Ивановны шёл бурный семейный совет.

Галина Ивановна была солисткой балета Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова, и ей было восемнадцать. Её отец, военный, получил назначение на Дальний Восток, и совсем не собирался оставлять дочь в Ленинграде, объясняя это тем, что международная обстановка ему очень и очень не нравится. Вот они всей семьёй и поехали в тайгу, а Галина Ивановна, тоскуя о театре и меч-

тая всё-таки вернуться к артистической деятельности, организовала в школе балетную группу и начала преподавать.

Сегодня учительница рассказывала своим родителям о необычной одарённой девочке, о неординарных обстоятельствах её жизни, девочка, видимо, случайно забрела в её класс.

Мать слушала её сочувственно, отец – внимательно и сосредоточенно, что-то обдумывая.

Когда Галя закончила, отец стал расхаживать по комнате, это случалось с ним всегда, когда он принимал какое-либо решение, потом остановился и сказал:

– Не нравится мне вся эта затея с балетной труппой. Работа у тебя есть, этим нужно дорожить сейчас, ну а труппа... Всякие здесь дети. Например, эта девчонка. Возможно, она и способная, но условия, в которых она живёт... Надо учитывать её личность. Всегда думай о личности людей, с которыми общаешься. Это, конечно, удивительно, что в её возрасте личность просматривается так ясно, видимо, под влиянием обстоятельств. Здесь только два варианта: или она озлобится, разобравшись, что ей жутко не повезло, тогда жди неприятностей, и тогда лучше не иметь с ней никаких дел, несмотря на её способности, или будет доброй и будет сочувствовать людям, что бывает редко...

– Второе, папа. Ты бы видел её глаза, просительные и удивлённые, она, конечно, диковата... вот как бы её приобщить к людям?

Отец улыбнулся.

– Ладно, психолог, приобщай, только я тебя предупредил, – людей в душе своей надо оценивать строго.

С матерью разговор прошёл проще. Галина Ивановна привезла с собой свои старые, изрядно потрёпанные балетные туфли. Работать в них было можно, и они с матерью решили отдать их девочке. Галина Ивановна взяла с собой на урок несколько пар своих ученических туфель.

Маре они подошли. Галина Ивановна удивилась опять – какая ступня – узкая, длинная, тонкая и крепкая.

И началось: и... раз, два, три... Жюте, па-де-буре... Движения имели свои французские названия, нужно было запоминать целые комбинации и точно выполнять их.

Мара никогда не ошибалась и уже работала на середине зала, у других пока так не получалось.

В школе дружно хихикали – и девчонки, и мальчишки: «Слышали, Трахома, эта Трахома, в балерины подалась! Но ничего у неё не выйдет! Таких балерин не бывает!» – заявляли дружно, хотя никто из говоривших никогда в жизни не видел ни одной балерины – ни в жизни, ни в театре, ни в кино...

Глава 6

Какие бывают зеки

– Трахома, приходи к нам вечером задачки решать.

– Приду.

Мара знала, что живут они, большая семья, далеко, в бараке за дамбой. Дамб в городе было много. Их насыпали поперёк больших, глубоких и широких оврагов и прокладывали по ним дороги. Дамбы были открыты, ничем не ограждены и были очень высоки, если смотреть вниз. Если по дну оврага протекал ручей, то в середину дамбы вставляли большую железную трубу для ручья. Заходить в эту трубу летом было невозможно – она вся была загажена, куча на куче, и вонь. Внизу у дамб уже начинали прорастать кусты.

Такая вот дамба и вела к бараку, где жили Трофимовы. В большой семье было много школьников, и учились они очень плохо. Мара знала, что для такой многодетной семьи выделяли в бараке отдельную квартиру и, наверное, в кухне у них, как и у всех вечером, топится углем плита, двери в комнату открыты, тепло, и вся семья, наверное, сидит в кухне, где что-то варится... Мара шла погреться, и ей очень не хотелось сидеть одной дома, дрожать, как бы кто к ней не влез и вообще...

Вечером она отправилась к Трофимовым. Уже вовсю сияла луна, было очень светло, бело и пустынно. Вокруг луны были круги, Мара знала, что это означает – мороз велик. Ей было очень страшно, но она знала, что за дамбой стояло несколько барачков, и былолюдно, как раз шли с работы и по всяким хозяйственным делам. Главное – перейти дамбу.

Перешла. Вот и барак, где живут Трофимовы.

Как Мара и ожидала, у них было тепло, плита топилась углем, и на ней в огромной кастрюле что-то булькало. Все были в кухне, ребятишки, плохо одетые и чумадые, сидели прямо на полу. Комнаты были тоже почти пустые. Мать, худая, по виду измождённая женщина, раздала всем по жестяной кружке. И Маре дала кружку. Потом взяла половник и стала разливать варево. Это оказался кисель из свёклы. Маре казалось, что за всю жизнь она не ела ничего вкуснее! В той большущей кастрюле варились большущие красные свёклины, наверное, с огорода Трофимовых, здесь всё росло хорошо, и надо полагать, вся семья трудилась на огороде, а кто ленился, получал хорошую оплеуху. Мара видела работу таких семей. А заправлен этот густой свекольный отвар крахмалом, добытым из картофельных очисток. Она и это знала. Кисель был горячий, сладкий и густой. Мара наелась и согрелась, потом пошла с мальчишками в комнату, разбираться с их уроками.

Разобралась. В конце занятий мальчишки то и дело тусили друг друга, хотя и молча. Они всё же решили избавиться от своих двоек. Наконец, не выдержали и занялись своими разговорами.

– Рекс, конечно, знатная собака, но Цезарь...

– Цезарь больше всех, это самая большая собака в лагерях...

Мара прислушалась. Она исправляла ошибки по русскому языку в одной из лохматых, грязных тетрадок этой детворы.

– А вот и нет. Он не взавдашний, не всамделишный зек. Он учитель, хорошо задачки решает...

Мара удивилась. Как может зек задачки решать для этих мальчишек... и вспомнила. Во время своих странствий по тайге она обошла город вокруг и для отдыха выбирала лучшие места – возвышенности с сухим сосновым лесом. Часто она набредала на лагеря. Они окружали город со всех сторон. Боялась она их страшно, ведь были жуткие барьеры с надписями большими буквами зловещей чёрной краской: «Стреляю без предупреждения!» Тогда Мара бежала со всех ног. Вокруг заборов лагерей свободно бегали огромные со-

баки-овчарки, и она однажды видела, как к ним подошла стайка её заклятых врагов – мальчишек, она замерла в ужасе – сейчас собаки разорвут их в клочья, но овчарки завяляли хвостами и положили свои огромные лапы им на плечи – они оказались друзьями – мальчишки и эти собаки. Видимо, достоинства этих псов и обсуждали мальчишки, которые бегали такими же беспризорными, как и Мара.

– А что такое невзправдашний зек?

– Это тот, который сидит ни за что.

– Ой! А разве такое бывает?

– Ты, Трахома, ничего не знаешь, что бывает, а чего не бывает, в книжках, которые ты читаешь, об этом не пишут. Скажи-ка мне лучше, что такое «дата»?

– Это число. День, месяц, год.

– Вот тут задали: «и напишите дату и место».

Это говорил Толька, огромный верзила, выше и сильнее всех. Он умудрился сидеть по два года в каждом классе потому, что ничего не делал на уроках, дёргал девчонок за косички, стрелял из каких-то самодельных приспособлений мокрой бумагой, скатанной в шарики, и никогда не учил уроков. Мара была убеждена, что для мальчишек нигде нет никаких преград, они, по-видимому, знакомы не только с собаками, но и с зеками. Учителя себе нашли! Это, наверно, летом, весной, осенью можно туда ходить, сейчас морозище.

Толька вытащил тетрадку и взял ручку, её ещё называли вставочкой, потому что железное пёрышко №86 вставлялось в прорезь, и приготовился писать.

Странное это было зрелище! На лице у него выражалась мука и огромное усилие.

– Пиши: «Город Свободный, Амурской области, Хабаровского края, 18 декабря 1937 года». Вот тебе дата и место. И уже поздно, я пойду домой.

Мороз её схватил сразу, и Мара стала отчаянно тереть варежками нос и щёки. И вскоре позабыла про мороз – она была совсем одна на улице. Ей стало до ужаса страшно. Это ещё ничего – здесь несколько бараков, поставленных так, что посередине образуется площадь. На ней летом дети из бараков играют в разные подвижные игры – места много.

На площади – ни души. Бараки замерли до утра, когда люди идут на работу по площади, по дамбе – в город. Это ничего, когда кругом бараки, страшнее всего – дамба. Вот тут уже полное безлюдье. Как идти? Бежать? Если есть где-то хоть одна живая душа, она привлечёт внимание. Нужно идти обычным размеренным шагом. Похолодев и внутренне, (сильный мороз, в этих краях в это время где-то минус пятьдесят), она вошла на дамбу. Ну и сияние! Сияет луна, во всю, как она где-то слышала, Ивановскую, сияет снег, а хруст его раздаётся, как ей кажется, на весь город и окрестные сопки. Она совсем одна – ни души. В середине дамбы она как на ладони, видна со всех сторон, она одна, никого больше нет. Только бы дойти до конца дамбы! А вдруг в трубе под дамбой сидит зек? Взаправдашний, всамделишный или нет, зек он и есть зек, она их боялась не меньше, чем мальчишек, хотя мальчишки на неё нападали, а зеки имели привычку наоборот – убежать и прятаться.

Ух! Дамба кончилась. Ещё будет совершенно открытое пространство, но это уже не дамба, а там, дальше, бараки, два, рядом, потом опять открытое пространство и... их два барака! Если она целой и невредимой дойдёт до этих двух барачков, второй – её, она спасена!

Дошла! Вот первый, вот второй!

Никого! Она на протяжении всего пути не встретила ни души, как будто всё замёрзло, застыло, вымерло... И ни души в её бараке – пусто при входе, пустой коридор, пустая кухня, вот их угловая холодная комната... Прочно заперев дверь, Мара долго сидела, не раздеваясь, на стуле, всё ещё в оцепенении страха, потом быстро сбросила одежду и прыгнула в кровать, стараясь зарыться поглубже, а в окне сияла полная луна...

Глава 7

У станка

– Все к станку!

Это была команда Галины Ивановны. Девочки, прекратив смех и разговоры, мигом побежали к стене и взялись одной рукой за палку. И с ними Мара.

– Плие по всем пяти позициям. И раз...

Мара стояла впереди всех. За последнее время она очень выросла, стала высокой и стройной девочкой. Ей стала мала её прежняя одежда, что разъярило её мать.

– Дылда! – воскликнула она в сердцах.

«Вот бы никто не узнал этого слова!» – подумала тогда Мара. Ведь будут дразнить. Она теперь выше всех в классе, даже мальчишек, а мальчишки этого не терпят! И к её прозвищу «Трахома», которое так и не отстало от неё, прибавлялись ещё «жираф», «цапля», «страус». Но «дылды» не было, и то хорошо! Мара любила растения, цветы, птиц и животных, а жираф – такое красивое животное, больше всего ей нравились его рожки, и видела она его только в кино и на картинках, а цаплю видела живую, там, в России. Её ещё удивило, что эта странная красивая птица любит стоять на одной ноге, хотя у неё есть и другая. Страус ей нравился меньше – птица не птица, ноги длинные, крылышки короткие, и не летает! Но тоже хорош. Интересно, водятся ли здесь цапли? Наверное, им здесь холодно?

Да и Мара, как та цапля, теперь очень часто стояла на одной ноге. Это было нужно для упражнений и для будущих танцев. Теперь она приносила на занятия не только балетные туфли, но и полотенце, как и все девочки, потому что у станка нужно было работать «до седьмого пота», и все вытирали с шеи этот пот полотенцами. Они теперь работали у станка часами, и тело у Мары становилось гибким, лёгким и сильным.

Галина Ивановна уже пробовала Мару на солистку, танцевать свою партию.

Вот они все отошли от станка и сидят с полотенцами на низеньких скамеечках, вытянув ноги. Галина Ивановна делится с ними своими планами:

– Мы будем выступать на концертах. Дебют – 1 Мая. К этому времени вы должны быть готовы станцевать вальс... – и она посмотрела на баяниста. Видимо, она хотела сказать: – «Какой он сможет сыграть».

– Элементы вальса я с вами разучила, все вы всё должны уметь! Будут участвовать:...

Она назвала имена четырёх девочек. У Мары замерло сердце, её не назвали...

– И Мара. Солистка. Но вы все всё должны делать хорошо. Других пока взять не могу, а нужно, чтобы создалось впечатление, что вас много...

И Галина Ивановна стала рассказывать танец:

– Выходят...

Вальс оказался из балета Глиера «Медный Всадник». Баянист играл на слух, балетную музыку он не знал, где и когда он услышал этот вальс? Но запомнил его хорошо и исполнял со всеми вариациями.

Мара прекрасно запоминала музыку. Она начинала звучать в ней с момента, когда девочка вставала к станку...

Эффект большой группы достигался тем, что все участники танца постоянно менялись местами – то четверо девочек, то одна Мара, то все вместе – и так всё время. Галина Ивановна продиктовала весь эскиз, всю комбинацию движений – перечислила французские названия движений для девочек, для Мары. В конце танца все на секунду замирают в своих позах – Мара в самой сложной позе – в аттитюде. Он редко у кого получался хорошо.

А Галина Ивановна показывала девочкам фотографии, где она в аттитюде – несколько пар, все с партнёрами, она высоко поднята партнёром! Белая пачка – не узнать! Она им указала – «Вот это я!»

То, что нужно работать – так Галина Ивановна называла тренировки, Мара поняла давно – и она работала много – и у себя в бараке – устроила себе станок и делала свои многочисленные плие, батманы и многое другое до изнеможения. Она теперь чувствовала своё тело и знала по определённому ощущению, правильно ли она делает. Правильно. Только аттитюды отрабатывала под руководством Галины Ивановны – это особый случай. Ну, а наступит весна – она будет работать на ровном полу забытого ресторана, вот где раздолье для прыжков, места даже больше, чем в классе, где они занимаются.

Ей так хотелось дружить с этими девочками-балеринами! Но ничего не получалось! Они от неё отходили. «Трахо-

ма»? Да, тот её вид! Теперь у неё другой вид – опрятный, но, в общем, тоже несуразный. Взять хотя бы чулки. Такой мелочью, как чулки для дочери – такой заботой мать Мары не была обременена, она бросала ей свои – шёлковые, рванные. Они ей совсем не годились, но других не было. Она теперь хоть и находилась в постоянной ссоре с матерью, вела своё хозяйство и научилась экономить деньги. На чулки бы, нормальные детские чулки, хватило, но... они нигде не продавались. Очень многие необходимые вещи нигде не продавались. А её дразнили: «В шёлковых чулках ходит!» А где другие покупали нормальные чулки? Тайна какая-то! Она спросила у своей единственной верной подруги Юли, та не знала, ей давала их мать и очень ругала, когда они рвались, аккуратно их штопала и учила Юлю штопать чулки, а Юля не хотела, хотя очень многие тогда проводили свои вечера за штопкой чулок и починкой одежды.

Мара училась всему, и уже хорошо штопала чулки Юле, а ей, Маре, нечего было штопать – она зашивала «стрелки» на материных чулках и кое-как прилаживала чулки для себя.

Бытовых проблем было много, но были балет и музыка, хотя Мара и не представляла, что может быть дальше... Она тщательно скрывала от матери свои занятия и прятала балетные туфли, всё это ей делать было нетрудно – мать ею не интересовалась и по-прежнему мало бывала в бараке.

Глава 8

Удар

Как трудно избавляться от страха и воспоминаний, в особенности, когда человек одинок! Её верная Юля ходила в другую смену и в другой класс, на дворе было очень холодно, к Трофимовым она боялась ходить из-за дамбы, хотя Толька Трофимов ей как-то пробасил, что её занятия ему очень помогли, и остальным тоже, и что он теперь твёрдо решил «взяться за ум», и её у них очень ждут. Да она бы им помогала, у них так хорошо, но дамба...

...Она медленно шла из школы. По улицам спешил с работы разный люд, а она чувствовала себя одинокой, и на душе было тоскливо, помимо воли лезли воспоминания... Её бабушка! Но почему, почему её не любят, почему она встречает столько ненависти от людей, которых она готова любить всем сердцем? Вот она бредёт в свой барак среди толпы быстро идущих с работы людей и вздрагивает: она видит свою бабушку с острым топором, занесённым над её головой, и слышит громовой голос:

– Зарублю, если есть не будешь!

...Мара, едва оправившаяся от тяжёлой болезни, сидит в деревянной избе за деревянным некрашеным столом перед каким-то невыносимо противным месивом из корней, соков, трав, ещё чего-то. Месиво по виду совершенно чёрное, твердое и противное. Ей не хочется его есть. Это – лекарство, которое бабушка то ли сварила сама, то ли где-то раздобыла.

Входит соседка и видит: перепуганный насмерть ребёнок судорожно заглатывает какое-то месиво, а над ним огромная старуха замахивается острым топором.

– Загубила ребёнка! – кричит с ужасом соседка, и раздаются обоюдные ругательства.

Соседка сказала слово «загубила» в прошедшем времени. И была права. Именно с того момента Мара стала бояться всех взрослых, и вообще всех людей, а потом она стала бояться и детей, они её обидно дразнили, а мальчишки били. Да, именно потому они её и били, что она их боялась! Бьют только того, кто боится! Это – закон, это Мара усвоила. Но как перестать бояться? Какие есть средства? Какие рецепты?

Мара не знала, спросить можно было только у Юли, но она была уверена, что и Юля не знает. Откуда ей знать? Юля не боится. Ничего и никого. И чего ей бояться, и почему ей бояться?

Вот жизнь, нормальная жизнь, которая только и должна быть: у Юли папа и мама, отдельная квартира, где всегда тепло и чисто, брат Толька, славный смешной мальчуган, ещё маленький, дошкольник, Юля играет с ним и занимается, когда нет родителей. Её папа поздно приходит с работы,

но всегда приходит, а не уезжает и не пропадает где-то месяцами, а юлина мама ждёт его в чистой, тёплой, большой кухне среди сверкающих чистотой кастрюль и прочей кухонной утвари, которой у неё много и всякой разной, а сама юлина мама всегда с красиво уложенными косами, в простом, но чистом и красивом домашнем платье, и у неё изо рта не торчит папироса. У Мариной матери папироса во рту постоянно, никогда не исчезает! А Мара не выносит папиросного дыма, а Мариной матери до этого нет дела.

Плохо. Всё плохо. Как же она будет солисткой балета, если она боится? Но чего? Да так, по привычке. Наверное, это видно, наверное, поэтому она и не может подружиться с девочками из балета.

Сегодня ей почему-то не хочется идти домой, какое-то мерзкое предчувствие. А куда идти? К Трофимовым? Дамба. К Юле? Там семья. В свою барачную комнату – больше некуда. Самое лучшее – начать выполнять письменное задание по русскому языку. Она очень любила делать эти упражнения. Так она и поступила. Когда пришла в барак, села за столик у окна, достала учебник, тетрадку и стала писать – почерк у неё был чёткий, красивый. Тогда ещё был урок «чистописание», он был её любимым уроком.

И она улыбнулась. Так она улыбалась за своей любимой работой. Слышала, как вошла мать, по привычке широко раскрыв дверь и долго стоя на пороге... Мара не обернулась. Ничего хорошего приход матери, как правило, не сулил. Она продолжала писать, мать что-то делала за её спиной. Комната наполнялась едким табачным дымом, по-видимому, у матери кончились папиросы и она курила «козью ножку» – сооружение из газетной бумаги с тонким мундштуком и раструбом, раструб, задранный кверху, набивался вонючим самосадом. Всё сооружение действительно напоминало козью ножку.

Вдруг Мара услышала злобный крик:

– Ещё ты тут!

Мать подскочила к ней сзади и ребром ладони – сильной, большой, крепкой, почти мужской ладони со всей силой и со всего размаха ударила Мару по шее.

– А-а-а, – что есть силы закричала Мара, вначале от испуга.

– А-а-а, – ещё сильнее закричала она от острой боли. «Мать отрубилась мне голову!» – подумала Мара, всё ещё крича и схватившись за шею.

В комнату вбежала соседка и увидела Мару, всю в слезах и кричащую, схватившуюся за шею.

– Это тебя надо судить, тебя! За издевательство над ребёнком!

– Вон! – закричала мать громовым голосом.

Мара, видя перепалку, выскочила из комнаты и мигом – в Юлину квартиру. Там она сквозь слёзы рассказала Юле и её матери о случившемся, зная, что Толька уже спит, а Юлин папа ещё на работе.

Юлина мама спокойно, деловито подошла к делу.

– Иди сюда, не реви.

Мара замолчала.

– Покажи шею. Так. Будет больно, скорее всего, она перебила тебе нерв. Завтра иди к врачу, обязательно. А сейчас я тебя смажу и в тепло. Чистая шерсть.

Она пошла в комнату и принесла баночку с какой-то мазью. Мара вскрикнула, когда она начала мазать, но потом боль стала проходить.

– Вот тебе старый шарф, он чисто шерстяной.

– О, нет, нет! Мать не выносит, когда кто-нибудь обо мне заботится, она изорвёт шарф и будет топтать его ногами...

Красивые большие глаза юлиной мамы стали огромными от удивления, она не находила слов, но, овладев собой, сказала:

– Тогда сделай так: я тебе его разрежу, а на него намотай свой и в школе не снимай, так и сиди, нельзя простудить, тогда будет сильно болеть.

– Как я буду танцевать?

– Ах, да. Она об этом знает?

– Нет.

– Старайся скрывать как можно дольше. И иди. Иди к врачу, Петру Ивановичу, расскажи ему всё, как было, и только ему можно довериться.

После ухода Мары у матери с дочерью опять был серьёзный разговор на кухне.

– И ты дружишь с этой девчонкой, которую бьют по шее?

– Она не виновата. Она – лучшая из всех, кого я знаю. Отличница, никогда не ссорится, не подводит, верная подруга, а с матерью ей не повезло.

– А что ты знаешь об её жизни? Об её отце, например?

– О-о-о! Мара мне много о нём рассказывала. Моряк, высокий и красивый, и у него корабли в Неве по праздникам, он морской начальник, она как-то мне показывала его фотографию в морской форме.

– Где корабли?

– В Неве.

– Так он в Ленинграде?

– Да, в Ленинграде.

– И они оттуда приехали?

– Да.

– Понятно, она не может простить дочери, что та – вылитый отец.

И видя, как удивлённо посмотрела на неё дочь, Юлина мама скомандовала:

– Иди спать. Уже поздно.

Юля ушла, а мать подошла к кухонному окну и долго мучительно всматривалась в тёмную, глухую дальневосточную ночь, задумавшись над судьбами людскими.

Послышались поздние шаги по скрипучей деревянной лестнице. Юлина мама отошла от окна и вышла встречать мужа.

Глава 9

Враг кого, чего, почему враг?

Мара пошла к Петру Ивановичу. Она знала его приёмные часы и подошла к его кабинету пораньше, чтобы быть одной из первых на приём. Это давало ей возможность искренне рассказать ему всё, что с ней случилось. Он поможет и вылечит, всё поймёт и сделает так, что это не помешает ей

танцевать. Он такой, Пётр Иванович, другого такого и нет, она точно знала это.

Совет юлиной мамы она выполнила – хороший совет – она так обмотала свой шарф поверх её, что ничего не было видно от шарфа Юлиной мамы, и боль стала слабее, если только не поворачивать голову резко. Она так и спала в этих двух шарфах, просыпаясь только тогда, когда задевала нерв. Придётся походить с таким «хомутом». Но что делать с матерью? Она не знала. У кабинета Петра Ивановича никого не было. Странно, Пётр Иванович никогда не опаздывает на приём. Нигде не было никого. «Что-то здесь не так, – тревожно подумала Мара. – А что, если постучаться в дверь кабинета?»

Робкая Мара осмелилась и тихонько постучала.

– Войдите! – услышала она грубый женский голос, и сердце её сжалось. Здесь не должно быть никакого женского голоса!

Мара вошла. Она увидела огромную бабищу в белом халате и белой докторской шапочке. Женщина была одной из тех грозных бабищ, которых Мара особенно боялась.

– Я к Петру Ивановичу.

– Пётр Иванович – враг народа.

– Он не может быть ничьим врагом, он – друг.

– Девочка, выйди вон. За такие разговоры...

– Где он?

– Ещё раз говорю – выйди вон и иди в поликлинику, а не в школу, с больным горлом в школу не ходят.

Мара поспешно выбежала в слезах. «Его, наверное, убили! Вечером пойду к Трофимовым, мальчишки всё знают».

Она медленно побрела в поликлинику.

– А где твоя мама? – спросили её.

– Я сама.

– Ну, раз сама, садись, раскрывай горло.

– У меня болит не там.

– А шея завязана. Раскрывай, раскрывай, – и врачиха поднесла к Маринуму горлу лопатку, которой боялись все дети и Мара тоже.

– Странно, горло чистое.

Мара указала на место на шее, где болело.

– Сиди здесь.

Через некоторое время вошёл другой врач.

– Ну, рассказывай, дралась?

– Нет.

– Размотай горло и покажи, где болит.

Мара размотала свои шарфы, и врач стал нажимать по всем местам шеи.

Мара закричала.

– Ясно, ударили по нерву. Иди со мной, все вы ангелочки: не дрались, ничего такого не делали...

Он смазал её болезненное место и наложил повязку, дал ей баночку с мазью.

– На прогревание ходить будешь?

– Буду.

Врач объяснил ей, куда и когда приходиться, и дал ей направление.

– А где Пётр Иванович? – осмелилась Мара.

Лицо врача мгновенно стало не только бледным, а серым.

– Этого тебе, девочка, знать не полагается. Иди.

Мара стремглав побежала в школу. Там было уже известно, что шея у неё замотана совсем не потому, что горло болит, а оттого, что её ударила мать. (Наверно, соседка разболтала, такие новости по Свободному разносились мгновенно).

– Хи-хи, балерина, ха-ха, с перебитым горлом! – слышала она от девчонок.

– У страуса горло болит! – повизгивали мальчишки. – Страусу по шее дали!

– Жираф – длинношеее животное, как пишется, сколько там «е», ты, Трахома!

Мара на редкость спокойно реагировала на всё это и думала только об одном: «Что с Петром Ивановичем?»

Вечером она побежала к Трофимовым.

– Трахома, заходи, я знаю, тебя matka долбанула, – встретил её второгодник Толька, – Нас и matka бьёт, и батька бьёт, всё время лупят, но за дело, а тебя ни за что, да так, что ты болеешь. Твоя matka – сумасшедшая.

Мара помрачнела. Она знала, что её мать не сумасшедшая, просто её не любит. Она наклонила голову и молчала.

– Что с Петром Ивановичем?

– В кичман загремел.

– Куда?

– В тюрягу, в лагерь, балда. Простых слов не знаешь.

– А за что?

– Да ни за что, вот как тебя matka по шее двинула ни за что.

– Он жив?

– Да, чего ему? Мы знаем, в каком он лагере.

– А за что? – не унималась Мара. – Я в школе к врачу ходила, она мне сказала, что он – враг народа.

– Такой же, как и ты. Говорили же тебе, что люди там ни за что сидят.

Мальчишки Трофимовы совсем не были сентиментальными, и их поцарапанные рожицы всегда излучали готовность в любую минуту сделать пакость, а рот был до ушей, им всегда было весело, от всего, им всё было смешно. А тут она увидела, что вся ватага приуныла. Они сидели всей гурьбой на полу и молчали, что было крайне удивительно, обычно они не замолкали ни на минуту.

– Садись, Трахома.

Мара села к ним на пол. Она знала, что эти мальчишки в своей бурной и шкодливой жизни не раз получали всевозможные увечья, и единственным доверенным лицом у них был Пётр Иванович, только ему они рассказывали, как и где они получали эти свои увечья и при каких обстоятельствах. Он их не ругал, не оскорблял, а терпеливо лечил и всегда вылечивал. Он и Мару вылечил от конъюнктивита, хотя прозвище «Трахома», казалось, прилипло к ней навечно. А теперь ей тоже, как и им, не к кому обратиться и рассказать об истинной причине своей травмы.

Их молчание означало одно – они что-то замыслили, и это «что-то», как выяснилось, было ни что иное, как организация побега Петра Ивановича. С них станет! Такие разбойники! И это «садись, Трахома» тоже неспроста...

Мара вздохнула.

– Сейчас зима... – покачал головой верзила Толька.

Тоже не зря... Да, сейчас на дворе долгая, снежная, ветреная дальневосточная зима...

А первого мая у Мары дебют, а её шея?.. Как она её вылечит без Петра Ивановича? Долго будет лечить. А он бы быстро вылечил, он бы знал..., он бы помог...

Теперь она твёрдо убедилась в том, что бывают невзрадашные, невсамделишные зеки.

Глава 10

Дебют

Галина Ивановна никогда не опаздывала на занятия. «Дисциплина прежде всего», – это был её девиз, потом он стал и девизом всех девочек. К её приходу они должны были быть готовы: в балетных туфлях, одеты для работы, полотенца на своих местах, все сидят на низеньких скамеечках и ждут команды:

– Все к станку! Плие по всем позициям!

Так обычно начинался урок.

Баянист подбирал мелодии, а Мара целиком и полностью отдавалась музыке и танцу.

...Девочки, готовые к уроку, тихо сидели на своих низеньких скамеечках. Тихо сидели. Обычно до прихода Галины Ивановны они галдели во всё горло, как стая снявшихся с насеста птиц... У всех у них на уме было одно: «А что, если занятий больше не будет, их дебюта не будет, ничего не будет?» Вся школа знала об участии своего врача, скорбела и молчала...

Вот уже и время, и баянист что-то подбирает, а Галины Ивановны нет... Тишина всё напряжённей, никто не сдвинулся с места, баянист замолчал.

И вдруг открывается дверь и быстрой походкой, как обычно, входит Галина Ивановна. Девочки хотели ахнуть..., но не ахнули – она уже воспитала в них сдержанность и дисциплину, – походка не та, и Галина Ивановна не та,

нет Галины Ивановны – глаза ничего не видят, лицо серое, причёска не держится, глаза, прекрасные синие глаза, потухли.

Острая мысль пронзила Мару – если «разбойники» Трофимовы замыслили организовать побег Петра Ивановича, и будет нужна её помощь – она им поможет!

– Все к станку!

Девочки встрепенулись и мгновенно взяли одной рукой за палку, а баянист положил руки на кнопки-клавиши.

– Плие по всем позициям!

Всё ясно, у всех на душе прояснилось – ей очень, очень трудно, но дебют будет!

* * *

...На город внезапно нагрянула весна – с сопок побежали ручьи, зацвёл багульник, солнце слепило нещадно, каждый старался принарядиться, как мог, а у юных балерин шеи были совсем мокрые, всё было готово к дебюту по случаю праздничного концерта в Управлении. Так называли Управление Амурской железной дороги, где был отличный, большой зал.

Они уже репетировали на сцене, в костюмах, и киномеханик изобретал способы особого освещения.

Для Мары из костюмерной Галины Ивановны трудами её матери был подобран и сделан по мариной фигуре костюм – корсет с длинной белой настоящей пачкой, Мара так выросла, что корсет был с открытой спиной, настоящие праздничные белые атласные балетные туфли, всё это из настоящего театра. Когда готовили костюм, всем стало ясно, что Мара – уже молодая девушка... Белые розы для причёски...

Остальные девочки были в коротких пачках и тоже стояли на пуантах.

Вначале выходили они, затем Мара вместе с ними, затем они без Мары, и в самом конце танца все вместе замирали в группе, а Мара в аттитюде над ними.

И вот номер объявлен. Зал замер. Балет! Никто в Свободном и не слыхивал о балете. Свой? Свой балет, своя балетная группа?

Вступление баяниста, выходят девочки и за ними Мара. Зал ахнул! Решили, что эту балерину прислали откуда-то из настоящего театра. «Трахому»-Мару никто не узнал. На сцене появилась молодая прелестная девушка с высокой причёской – в её густые тёмные волосы были вплетены блестящие белые розы, на лице сияла радостная улыбка, а танцевала она... – почти не касаясь сцены, и была где-то в воздухе, когда она кружилась, обнажались её длинные стройные ноги, вот она ушла, зал замер в ожидании, неужели не появится снова? Но вот девочки в коротких пачках ушли и опять она!

Потом появились все вместе, на секунду замерли – она над всеми в дивной позе и... занавес!

Девочки мгновенно очистили сцену, как их учила Галина Ивановна, когда занавес раздвинулся – сцена была пуста, а зал громохал аплодисментами. Девочки вернулись на сцену и раскланялись, особыми движениями, какими раскланиваются с публикой, потом раскланялась Мара, одна, под аплодисменты, и в особом движении – одна рука чуть поднята в приветствии и мелкое па-де-буре, ушла. Занавес – и объявляют другой номер.

Пытливые глаза выступавших смотрят на Галину Ивановну.

– Лучше, чем я ожидала, главное – никто не оробел!

Как сказано! Вот этого-то Мара боялась больше всего! Вдруг ей станет страшно, такая толпа людей, но... она о них забыла и слышала только музыку, а свою партию она знала так хорошо, что не думала, что – за чем, нужно только воплотить музыку!

Мара быстро овладела собой. Надо отдать театральный реквизит матери Галины Ивановны, вот она, целует Мару: «Вы прославляете мою дочь!», надо замотать шею, скорее, здесь сквозняки, и бежать в барак, бегом в барак, мать обязательно здесь, ведь было какое-то заседание перед концертом, и она должна быть здесь, в одном из своих роскошных крепдешиновых платьев, в лакированных туфлях на высоких каблуках, наверное, уже где-то восседает среди мужчин...

Одетая в своё поношенное, но чистенькое пальтишко, из которого она уже давно выросла, Мара натянула свой белый берет, за чистотой которого она тщательно следила, Мара помчалась в барак по синеющим от наступающего вечера улицам, не замечая особого дальневосточного таёжного запаха весны...

Вот она дома, прыг в постель, будто бы никуда и не выходила.

Фанерный шкаф был приоткрыт, видимо мать спешила! О, она знала, что в фанерном шкафу находится! Целое богатство! У матери были длинные крепдешиновые и крепжержетовые платья, очень, очень красивые, в особенности одно – из палевого крепдешина, и были там лакированные туфли, и шёлковые чулки, и шёлковое бельё, и много всего, всего! И некогда и не хочется матери хоть чуть-чуть позаботиться об «эдакой дыде»!

Надо притвориться спящей, хотя Мара знала, что, встревоженная дебютом, долго будет ворочаться...

Идёт! Её шаги Мара узнаёт сразу! Открывает дверь своим ключом и... самое страшное – она с мужчиной! Мара их не терпела, этих её мужчин! Обычно мать приводила их с совещаний.

– Не беспокойтесь, Игорь Васильевич, моя обезьяна уже спит!

«Обезьяна!» – нет, это животное Мара не любила. Обидно. Обидно, когда тебя называют обезьяной.

Ну, сейчас начнётся! Как бы не задохнуться от дыма и не закашляться! Но нет! Не козья ножка, папиросы, курят оба, разговаривают, уже в постели! Фу!

– Я, знаете ли, поражён! Наверное, эта балерина прислана из какого-то театра, настоящая прима и очень молода! Может быть, ещё ученица, и остальные хороши! Откуда это у вас здесь в Свободном?

– Говорят, вместе с родителями, да Вы знаете полковника Грицука, прибыла и их дочь, солистка Мариинки.

– Вы по-прежнему Кировский называете Мариинкой?

– Ой, простите, ещё не привыкла!

– Так дочь Грицука – солистка Кировского?

- Да, но пришлось уехать...
- Он правильно сделал, что взял дочь с собой. Значит, она организовала студию?
- Чтобы не потерять профессию, всё ещё надеется...
- Скорее всего, это она и создала эту изумительную фею! Ну до чего хороша и талантлива!
- Да вы просто влюбились!
- Вспомнил... Когда посещал балет в Ленинграде... она не хуже! Стиль всё тот же, молодец, Грицук, и что дочь привёз, и что дал ей возможность организовать студию.
- Она работает делопроизводителем.
- Вот и хорошо. Не иждивенка. Молодец, этот Грицук! Далее они перешли на шёпот.

Маре стало ясно по интонациям голоса матери, что она её не узнала. Вот хорошо-то!

Но самое страшное будет утром, что, если мужик будет спать, а мать уйдёт на работу? Хорошо, что до их прихода Мара успела на горшок.

Утро слепило яркими весенними лучами. Первый взгляд проснувшейся Мары на кровать – пуста! Вот хорошо! Мара встала и улыбнулась. Горло было замотано, она продолжала его лечить. Наверное, всё-таки пройдёт.

А улыбалась она широко и радостно вот от чего: дебют прошёл, она не оробела, мать её не узнала, мужик ушёл. А смятая небранная постель, гора окурков, прокуренный воздух – это ничего! Всё это она приведёт в порядок.

Она встала посреди комнаты и продиктовала себе: глицерин, жюте, па-де-буре, и аккуратно выполнила упражнения, всё ещё улыбаясь.

Глава 11

Трахома!

Вот и осень подкралась, для таёжницы Мары это не было неожиданностью – она знала её малейшую приметку и наслаждалась осенней тишиной. Каникулы закончились, и начались занятия в школе и в балетной студии, куда приня-

ли новых девочек, и где Мара уже была признанной солисткой.

Мать смирилась с отдельным хозяйством дочери, а может быть, ей это даже было и лучше, меньше забот, которых у неё относительно Мары и так было по минимуму.

А Мара в те редкие дни, когда мать была дома, налетала на неё из-за одежды и обуви, всё становилось мало́... Иногда она находила в комнате брошенные на стул у её кровати то меховую зимнюю шапку, то туфли, то пальто. Всё это Маре не нравилось, оно было куплено наспех, мать не задумывалась, подойдёт ли это Маре, и покупала, что попадалось на каком-нибудь полустанке в железнодорожном магазине. Никакого выбора у Мары не было.

Ей очень помогала юлина мама, подгоняя всякие изделия под Марин размер, чтобы можно было носить.

Только однажды каким-то чудом у Мары на стуле оказались красные туфельки с застёжкой на пуговичку, они ей хорошо подходили и очень нравились. Как она их берегла! А в тайгу она надевала старые, тоже переделанные и комбинированные из разных лоскутов платья. Она туго заплетала свои тёмные толстые косы, плотно их укладывала, чтобы не мешали – и в тайгу, на промысел! Она уже научилась заготавливать на зиму многое из того, что даёт тайга, и успокоилась – теперь проживёт!

В тот момент она просто наслаждалась осенним нежарким солнцем на пригорке у железнодорожного полотна – на своём любимом месте. Здесь тихо, стрекочут кузнечики в обожженной жарким летним солнцем траве, и никто никогда тут не бывает и не проходит. Только поезда – по рельсам, а она их все знала наперечёт – и пассажирские, и товарные, гружёные, и порожняки.

Сейчас долго поездов не будет...

– Трахома!

Мара вздрогнула. Из кустарника вышел Толька Трофимов, здоровенный парень стараниями Мары первый раз не остался на второй год, да и вся его братва вылезла из своих классов в следующие. Их мать была так благодарна Маре, что как только она приходила к мальчишкам, то кормила её

чем Бог послал, главное – всё было свежее и горячее, да и с собой давала. Таким образом, у Мары за дамбой появился источник пропитания. Только дамба! Мара вздохнула. Дамба по-прежнему, во все времена года была для неё источником ужаса.

– Тебе чего? И как ты здесь очутился?

– Тебя искал. Дело есть.

Мариино сердце замерло – она сразу поняла, что это за дело.

– Выкрали?

– Да. Только сейчас смогли. Нужно отправить по железной дороге и немедленно.

– Завтра пойдёт порожняк. Здесь на подъёме он еле тащится, охраны никакой, до него можно дойти по закрытой с двух сторон ветке, поездов не будет, ветка прямо у нашего барака – пусть Петр Иванович заходит прямо ко мне, все двери будут открыты...

В середине следующего дня Мара сидела наготове. Она заставила себя быть совершенно спокойной, как перед дебутом.

...Пётр Иванович шёл быстрыми шагами по пустому коридору барака и безошибочно определил дверь Мариной комнаты. Она вскочила ему навстречу, одетая во всё рабочее, и молча вышла. Он следовал за ней на некотором расстоянии. В те времена по одежде зеки мало отличались от рабочих – ватник, стёганные брюки, почти одинаковые шапки.

Рассматривать, что стало с Петром Ивановичем, у Мары не было времени, ребята правы – его надо было вытащить отсюда, пока он не растерял все свои силы, а, судя по его походке, пока ещё не растерял. Рискнём? Рискуют все. Ну, ладно. Вот они уже у железнодорожного полотна за двумя глухими заборами. Мара прижалась к забору, остановилась.

– Сейчас поезда не будет, но надо спешить. И ловко растолкала по его карманам хлеб, сало, чеснок, махорку, ножик, ножницы, бутылку с водой.

– Подойдёт порожняк. Он будет идти долго, долго, без остановок. Выйдете, когда он остановится совсем, пройдёте

немного тайгой, охраны там нет, увидите два двухэтажных барака, заходите смело и сразу объявите, что Вы врач. Наверняка там найдутся больные или увечные... Вас поймут и вам помогут.

И Мара пошла быстрой походкой, цепляясь за забор, но не спускаясь на рельсы. Они вышли на центральную аллею и залегли в кустах, не шевелясь и не произнося ни слова. Сколько времени прошло в напряжении, трудно сказать, но вот запыхтел паровоз и потащился наверх. Появились первые вагоны. Мара искала, где приоткрыта дверь, хотя и полагалось все двери закрывать наглухо, она знала, что где-нибудь обязательно прошляпят! Это точно. Вот одна дверь чуть-чуть приоткрыта. Мара змейкой бросилась к вагону и зацепилась за дверь. Но никак, никак не открыть больше. Тогда она руками зацепилась вверху и со всей силой стала толкать дверь обеими ногами, щель стала чуть шире, и вот Пётр Иванович, бегущий вдоль вагона, схватился руками, затем подтянулся и под изогнутой вверху Марой пролез в пустой громяющий вагон, кое-как, боком. Мара, казалось, сбросила ноги в вагон, и дверь мигом захлопнулась. Поезд уже миновал подъём и покатился, ускоряясь, под уклон.

За всем происходящим из кустов горящими глазами следила Толькина ватага. Им хотелось орать что есть мочи и кричать, что Маре надо делать, но Толька намертво запретил им произносить хоть один звук, и они еле сдерживались.

Толька встал.

– За мной, огольцы!

Но огольцы, перепуганные насмерть, (они решили, что дверь отрезала ноги их Трахомы), лишь вяло поплелись за ним, перешёптываясь и оглядываясь.

А Толька всё шёл и шёл, сосредоточенно глядя перед собой, хотя «огольцы» остались далеко позади.

Вот и города нет, одна пустынная железнодорожная колея, а он всё идёт и идёт, сосредоточенно глядя перед собой.

Идёт и идёт...

Темнеет, Падают синие, пропитанные запахами тайги, дальневосточные сумерки.

Он всё идёт, забыв про перепуганных огольцов.

Ноги! На дереве лежат стройные длинные ноги. Их владелица лежит на земле, руки раскинуты, голова лежит спокойно, глаза раскрыты.

– Трахома!

Секунда – и Мара стоит перед ним.

– Как ты...

Ох, если бы он мог сказать ей слова восхищения, ласковые слова, но он их не знал и не умел их говорить. Он стоял, онемев, в той позе, в какой застал её.

– Ты...

– Ну, прыгнула на ходу. Я так катаюсь, на льдинах тоже.

– А...

– Я там была ещё маленькой, хотела от матери сбежать, навсегда. Поезд идёт долго, потом заворачивает в лоцину, там только два барака, охраны нет, поезд стоит долго, пока не погрузят, там все работают на погрузке, кругом пустынно, тайга на много километров вокруг, врач нужен позарез, я ему всё объяснила и дала еды. Его спасут.

Меня тогда разыскали, мать гром устроила по всей дороге... Всем объясняла, что я книжек читалась... Ну, я пошла...

И она мгновенно исчезла. Маре срочно нужно было бежать в барак, чтобы не хватились и не стали искать. Она всё сделала для Петра Ивановича... Ждать тольконых «огольцов» ей было некогда.

– Ну и ну, вот вам и Трахома, – пробормотал Толька.

Он сел на место, где лежала она, и почувствовал, что страшно устал. Он бы тотчас уснул, земля была сухая и тёплая, но вдали показались его огольцы. Шли они, прижавшись друг к другу. Молча и медленно.

– Также мне разведчики, – сказал он в сердцах.

– А...

– Жива, здорова, прыгнула по ходу поезда, его упрятала знатно.

– Ой!

– Да не ойкайте, до города-то далеко, а уже вечер, за мной, быстро!

Добрались они за полночь, придумав для родителей очередную легенду и получив свою порцию тумачков.

Глава 12

Что такое любовь

Всю свою несуразную одежду Мара держала в порядке. Она получала её от матери по частям. Принося очередное портновское изделие к юлиной маме, она всегда слышала одно и то же восклицание: «И что же тут можно сделать!» И юлина мама начинала вертеть Мару, примеряясь.

– И где только твоя мать всё это покупает?

– Наспех, не думая, – со вздохом отвечала Мара, – везде, где попадётся магазин.

– Сама-то она одета...

Мара это знала. Она знала, что мать очень продуманно одевалась, но слышать о ней плохое ей было больно.

Юлина мама уже давно привыкла к Маре и находила в ней много хороших черт характера, которых не было у собственной дочери. Юля всюду разбрасывала свои вещи, как одежду, так и школьные принадлежности, а у Мары везде был образцовый порядок. Она сама, в её-то возрасте, вела домашнее хозяйство, и очень неплохо, а из школы приносила только похвальные грамоты, да вот показать их было некому! Бедное дитя! Юлина мама теперь поощряла дружбу своей дочери с Марой: девочка была вежлива, скромна, чистоплотна, очень любила читать и... тут юлина мама не переставала удивляться – становилась прима-балериной! Что будет дальше, трудно сказать при такой матери и при отсутствии других родственников, но сейчас! Какая осанка, какая походка, какая грациозность! И девочка этого всего не замечает, никого из себя не выламывает!

Чудеса Твои, Господи!

В карманах нелепого пальто у Мары никогда не было дыр, и однажды, сунув руку в карман, Мара почувствовала инородный предмет – кусок жёсткой бумаги. Откуда это? Мара ничего не носила в карманах, а тут – бумага! Она её развернула.

На жёлтой шершавой бумаге карандашом было написано: «Я тебя люблю». Точки не было. «Меня кто-то любит?»... «Наверное, ошиблись, положили не в то пальто! Хотя несурезней пальто трудно себе представить!!»

Мару нисколько не заинтересовало, кто же написал записку, и правда ли то, что там написано, и ей ли записка адресована, она задумалась над совсем недетским вопросом: что такое любовь? Вот если бы такую записку ей написала её мать. Ничья любовь ей не нужна, только её любовь, чтобы она называла её по имени и не ударяла ребром ладони, чтобы хоть один только раз она бы спросила, как она учится, Мара тогда бы положила на стол, сияя, все свои похвальные грамоты за каждый год: «За отличную учёбу и примерное поведение», книжки с такой же надписью, табеля с одними отличными оценками..., хоть один только раз сказала бы ласковое слово! Ей так хотелось, чтобы мать купила ей красивое платье и пошла бы с ней на прогулку по городу, и ласково заговорила бы с ней, и купила бы ей что-нибудь вкусное...

И тут Мара помрачнела – давно, давно была одна прогулка...

Той весной, стремительной и быстрой, как и все вёсны в Свободном, Марина мать вдруг пригласила Мару в тайгу за подснежниками. Подснежниками здесь называют сон-траву – большие синие цветы с ворсинками на лепестках и на коротких ножках. Мара их очень любила.

– Веди! – приказала мать.

Мара тогда знала местность только с их стороны, у железной дороги, а в другой стороне город был горист, там места были сухими, весна только начиналась, вот там и должны быть первые подснежники, большие, много и на более длинных ножках.

Тогда они шли через весь город, мать сосредоточенно, а Мара улыбаясь, стараясь рассказать матери что-либо интересное, но та её не слушала.

Вот и пологие холмы, сухие, поросшие сосной, Мара бегом бежит вверх, чтобы нарвать букет и преподнести его матери, вот и гнездо первых подснежников, таких больших, таких ярких, Мара рвёт их с улыбкой и вдруг окрик:

– Стой! Стрелять буду!

Мара с букетом мигом скатывается по склону, внизу стоит расвирепешшая мать, Мара, не замечая её состояния, подаёт ей букет. Мать бросает его в лужу и неистово топчет, Мара с ужасом смотрит, как гибнут её цветы, как разлетаются лепестки...

– Привела! Я так и знала, что от тебя, мерзкой девчонки, ничего хорошего ждать нельзя!

– Я не знала...

– Должна знать! Если бы не партсобрание, ни за что с тобой никуда бы не пошла!

«Ах, вот оно что... ей сделали упрёк на партсобрании, что она не уделяет должного внимания дочери! Я тут ни при чём!» – таковы были грустные мысли Мары в тот момент.

Мара низко опустила голову. Тогда она не знала, что весь город окружён лагерями, и они навалились на один из них.

Домой шли на некотором расстоянии друг от друга, молча...

Нет, не хочет больше она никаких прогулок с матерью...

А она, она любит кого-нибудь? О, многих! Юлину маму и саму Юлю, Галину Ивановну, учительницу в школе, мать Галины Ивановны и Марию Семёновну, мать оголтелых мальчишек-второгодников, хотя нет, они теперь не второгодники её стараниями. Мара улыбнулась. И она любит тайно, очень тайно... У неё есть самый любимый человек – высокий, стройный, в форме морского офицера, красивый и ласковый. Это её отец. Лучше нет в мире человека! Но он далеко и не с нею! Ах, почему?

Тогда, в Ленинграде, он зашёл к ней и принёс подарок, краше которого она не видела ничего – отец держал за серые уши тряпичного зайца и протягивал его ей, улыбаясь. Заяц был наряжен турком: на голове, между ушами, ярко-красная феска, на задних лапах – шаровары и туфли с острыми загнутыми носами. И усы у него были, и глаза сверкали, весь он мягкий такой, с зайцем она не расставалась ни днём, ни ночью, пока мать его не обнаружила и не растоптала ногами. Была у неё и есть такая привычка!

А когда Мару спросили, с кем она хочет быть – с папой или мамой, она бросилась к папе, но мать больно дёрнула её за руку и потащила к себе: вот откуда и пошло к ней обращение «проклятое Демьяново отродье!», «Ты!» и всё такое.

Её никто не любит. А кто раздаёт любовь? Вот Юлю любят её родители, и Галину Ивановну любят её родители, и огольцов-разбойников-второгодников любят их родители, И Галина Ивановна... любит Петра Ивановича, а он любит её. Вот открытие!

Но кто, кто этот Верховный, кто раздаёт любовь и говорит: «Люби!». Он никому не сказал этого про Мару. Как жаль!

Но сегодня балет, и Мара пошла в зал. Они без конца тренировались и учили разные танцы.

В конце занятий, когда девчонки с визгом, хлопая портфелями, выбежали вон, Галина Ивановна, отпустив баяниста, сказала, что покажет Маре новое движение. Мара вначале сделала его у станка, а потом посередине зала.

– Замечательно, – улыбнулась Галина Ивановна, – с твоими способностями ты ещё и работаешь больше всех.

– Я и летом занималась, я всё запомнила.

– А музыка?

– Я её тоже запомнила.

Помолчали. Галина Ивановна смотрела своими синими глазами прямо в глаза Мары. Девочка поняла и улыбнулась.

– С ним всё в порядке. Жив, здоров, работает.

Галина Ивановна обняла её и прижалась мокрой от слёз щекой к её щеке. Так что же такое любовь? Кто ею управляет? Всё в мире тайна.

Глава 13

Тайга уходит

Уже давно где-то в России шла ожесточённая война, названная Великой Отечественной после нападения гитлеровской Германии. До Свободного доходили только сводки.

Их жадно слушали и взрослые, и дети. Балетная труппа выступала в госпиталях и на концертах с самыми разнообразными танцами, и потихоньку стала местной достопримечательностью. Мара была по-прежнему солисткой, но в жизни её, как и раньше, не признавали и обращались к ней «Трахома». Узнавали ли её на сцене, она не знала. Она по-прежнему, отдав концертный реквизит маме Галины Ивановны, бежала в свой барак.

Мать смирилась с её независимым существованием и добровольно отдавала ей и карточки, и деньги, иногда она находила их на столе, это означало, что мать надолго уезжает.

Женщины были худы и мрачны, марина же мама по-прежнему была толстая и красивая, и чёрная коса её не стала тоньше.

Всё это казалось Маре странным, как будто её мать живёт где-то не там, где остальные... её остервенелость немного стихла, и при встрече они почти не разговаривали.

Шея от удара матери ребром ладони зажила, но, чтобы не простудить шею, Мара так и продолжала ходить с тёплым шарфом на шее во все времена года – у неё появилось уязвимое место. И ещё, что для Мары стало важным: во время войны на большой перемене стали давать горячую еду. Из большого котла в миски черпаком наливали что-то. Там было всё: и капуста, и крупа, и какое-то жидкое масло. Мара ела с жадностью и просила добавки, добавку наливали щедро.

А многие школьники отворачивались и не брали мисок: «Я такое не ем!» – и строили презрительные гримасы. Некоторые брезгливо показывали на Мару пальцем: «Трахома всё съест!», и ещё посылали ей обидные словечки, когда она просила добавки.

Ей по-прежнему всё это было больно, хотя она уже выросла в высокую, стройную, красивую девушку, довольно нелепо одетую в случайно купленную матерью одежду.

Юля тоже очень выросла, одета она была замечательно и тоже была красива, а мальчишки... они так и вертелись вокруг неё, а она «Хи» да «Ха». А вокруг Мары никто не вертелся... Она так и осталась «Трахомой». И горько ей было это.

Её здоровье, за исключением шеи, было в норме, и сил для балетных тренировок хватало, она по-прежнему вела хозяйство, всё так же справлялась со всеми уроками, но в её душе была какая-то тоска, что-то не так, люди вокруг живут в любви и заботе друг о друге, а она...

Галина Ивановна получала письма с фронта, она никому об этом не говорила, но все знали...

Юлин отец остался дома, хотя юлина мать стала намного озабоченней и похудела. А вообще-то мужчин в бараках осталось очень мало.

Иногда девочек кормили после концерта, чему Мара была очень рада. Девочки не фыркали, потому что давали что-нибудь вкусенькое по меркам военного времени.

Зима была как зима, весна была как весна – быстрая, буйная, и неожиданно мариная мать объявила, что они уезжают. Насовсем.

Они молча уложили вещи, подошла подвода – лошадь с телегой, вещи увязали, погрузили, и они поехали через весь город на пассажирский вокзал. Вещи погрузили в багажный вагон, сами вошли в общий плацкартный с боковыми полками, Маре досталась боковая, и она впилась в окно, когда поезд тронулся, – всё знакомо, всё исхожено, везде были опасности, но это была её тайга, и она уходила всё дальше и дальше. Марино сердце заныло: «Прощай, прощай, моя тайга дальневосточная!» – она чувствовала, что больше тайгу не увидит.

Вечерело, Мара расположилась на ночлег, мать уже завела компанию и курила в соседнем купе, а Мара постоянно думала о тайге, уходящей за окном, быстро, быстро уходящей, последней её мыслью перед сном была: «Как тамживает мой бурый медведь?»

Больше она с ним не встретилась, но ей очень, очень хотелось, чтобы он был жив и здоров.

Она не знала, что едет на фронт.

ЧАСТЬ 2
ШИНЕЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Города не было. Возвращаясь к железнодорожной станции, Мара старалась не оглядываться на остатки развалин (даже самих развалин не было) и всё время ускоряла шаг, чтобы убежать от удушающего трупного запаха.

Вечерело, и она почти что бежала по большому безлюдному полю к станции, к станции, к людям, к огням, прочь от этого запаха.

Где-то поодаль она заметила силуэт – мужчина тоже шёл быстро, как и она, почти что бежал и, наверное, от того же – от развалин и трупного запаха. Она заметила, что он тоже направляется к станции. Незаметно она стала к нему приближаться, чувствуя, что он кого-то ей напоминет. Наконец, они остановились, и Мара не выдержала и закричала: «Пётр Иванович!»

Он вздрогнул, остановился и увидел недалеко от себя всего лишь длинноногую худую девчонку лет тринадцати, безоружную. Подойдя поближе, стал вглядываться: «Мара!»

Некоторое время они оторопело молча смотрели друг на друга и не могли поверить, что всё это наяву. Затем заговорили оба, разом, и долго не могли прийти к нормальной, размеренной речи.

– Ах, да, ведь твоя мать, она ведь врач, прихватила и тебя сюда, в это пекло!

Мара, она же прима-балерина дальневосточной самодеятельности, при упоминании своей матери побледнела; она была греховно рада, что она теперь без матери, что мать уехала в «направление», так назывались тогда военные маршруты. Мать уехала, а Мара осталась при хозяйственной части санитарного поезда, работала и возвращалась на службу, выполнив поручение.

От Петра Ивановича не укрылось её смятение.

– Ты где?

– При обозе. А мать «в направлении». Ну а вы, а вы? Что было с вами?

– Здорово ты мне тогда помогла! Всё так и было, как ты сказала. Поезд остановился невдалеке от бараков, я

спрыгнул и пошёл пешком, а там народ кричит, кто-то в аварию попал, я к ним, представился как врач, они всё поняли и всё сделали, чтобы я смог помочь пострадавшему, а потом приютили и меня, кругом окрест никакой медицинской помощи.

...Много было всего, помогал всем, а они мне, а потом попал сюда, там на станции стоит мой санитарный поезд, ночью уходим...

Уже совсем стемнело. Что-то разбомбили, то ли наши, то ли немцы, и получилась кирпичная стена полукругом. Вот оттуда-то и слышался удивительный чистый голос:

«Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит...»

И тихо хор:

«Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит...»

Ожидали наступления, и латыши, любители хорового пения, организовали хор, и когда становилось совсем темно, приходили в это удивительное место петь...

Маре всё казалось невероятным, здесь, после стольких боёв...

Они невольно остановились и заслушались.

Нет, нельзя убить в людях волю к жизни!

А когда уходили, грянуло:

«Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!»

– Ну, мне пора, а тебе – удачи – выживи!

Мара пришла к тёмному обозу, залезла в свой вагон.

Тихо. Где-то заскрипели колёса, это пошёл санитарный поезд Петра Ивановича.

По щекам Мары потекли слёзы, и ей захотелось крикнуть:

– И Вам выжить, Пётр Иванович!

А в её обоз всё что-то собирали. Несколько разновеликих, неказистых вагонов, состыкованных вместе, набивались до отказа всяким медицинским добром, но спустя несколько дней и они тронулись на запад. Тогда всё двигалось на запад.

У Мары порядок. Всё на местах, прибрано, знает, где что. Она теперь при большой должности – заведующая аптекой. Её предшественницу, молодую девушку, убило при очередной бомбёжке, – персонал убывал страшно. Города давно стояли пустые и разбитые, все силы врага были брошены на железную дорогу.

И их бомбили. Всех бомбили. При обозе было всего три человека – двое латышей, супруги, и Мара.

Жили они в разных местах и почти не виделись. Заведовал обозом Владислав Гедиминович Вадзиш. Почти постоянно он твердил:

– Ну, когда же дадут путь?

Но пути не давали. Путь восстанавливали и снова бомбили.

Была тихая, ясная осень 1944 года. Обоз стоял. Владислав Гедиминович где-то бегал, яростно доказывая, что надо двигаться, а не стоять, а ему не менее яростно доказывали, что пути опять разбиты и работает восстановительный поезд, и что, конечно, как только дадут путь, они двинутся. В гулкой осенней тишине хорошо были слышны голоса спорящих железнодорожников. Темноволосая Мария Ивановна, жена Вадзиша, помахала Маре рукой, – обед готов. Варили на костре. Мара пришла сразу, а вот Владислава Гедиминовича пришлось долго дозывать. Наконец все трое, кто как мог, расположились у костра. Молчали. Когда уже заканчивали обед и пили горячий мятный чай с сухарями, Мара сказала:

– Уж больно тихо. Не к добру.

– А ты суеверная? – спросил Владислав Гедиминович.

– Не знаю. Никогда об этом не думала, только чувствуется... Ну, тревожно как-то.

– На войне всегда тревожно.

– Но бывают моменты...

Мара замолчала и стала любоваться лесом, стоящим плотной стеной по обеим сторонам железнодорожного полотна. Особенно хороши были рябины с огромными, оранжевыми, тяжёлыми гроздьями ягод. Как ей хотелось побегать по лесу! Но отходить от обоза не разрешалось.

– Мне кажется, сегодня будет жуткая бомбёжка.
– Откуда? Давно уже нет. Вражеские аэродромы уничтожены.

– А где-то есть!

– Ладно, не порть послеобеденного настроения, – и Владислав Гедиминович стал крутить «козью ножку».

Путь дали ночью. Тёмной, тихой, холодной. Обоз двигался медленно, поминутно останавливаясь. Спать ночью не полагалось.

На следующий день обоз опять стоял. Мара медленно побрела к своему вагону-аптеке. Спешить некуда. Судя по перебранке Владислава Гедиминовича с железнодорожниками, путь дадут нескоро, да и что это за путь? Можно рядом идти, так медленно будет ползти обоз, поминутно останавливаясь. Но приказ был дан: всё время находиться на рабочем месте. А Мара размышляла: «Уж больно лес хорош! А гроздья рябины? Сочные, большие, гнут ветки, как хочется попробовать!»

Да что ж это такое! В этом лесном очаровании, в этой абсолютной тишине чувствовалась трагедия, вот-вот произойдёт что-то жуткое. Её глубокое, цельное восприятие музыки, танца, искусства, научило Мару остро чувствовать всё вокруг, всё замечать, и... предчувствовать!

Но... надо идти на рабочее место.

Ещё раз полюбовавшись рябиной (ну совсем рядом, за канавой, рукой подать), она вздохнула и медленно, опираясь на поручни, вошла в свой вагон.

Мара давно научилась чётко различать моторы наших и немецких самолётов. В безоблачном ясном осеннем небе она услышала мотор немецкого самолёта. Летел «Мессершмидт», или, как его на фронте называли, «Мессер». Один. Без бомб. И горячего мало. Но он их хорошо увидел, их нелепый обоз. С воем спикировал вниз и по всем вагонам дал пулёмётную очередь. Где-то звякнуло стекло. Мара, мигом оказавшаяся под нижней полкой вагона, прослушала, как он уходит. По инструкции надо было являться после налёта, когда опять всё станет так же тихо. Мара подошла к Владиславу Гедиминовичу.

Все были живы и невредимы.

– А ведь ночью прилетит целая эскадрилья, он нас заметил, мне даже показалось, что я видела его лицо, радостное, добычу увидел.

– Да откуда же им взяться, ведь аэродромы разгромлены.

– А где-то есть...

Владислав Гедиминович внимательно посмотрел на Мару.

– Пойду убирать. Стёкла кое-где разбиты.

Путь дали к ночи. Обоз пополз медленно, чуть дыша, как бы нащупывая дорогу. Спать по ночам не полагалось, у всех были ночные дежурства. Мара была одна в своём вагоне-аптеке и всегда была на работе, а спала, когда придётся...

Опять этот ровный звук: «У-у-у!» Утроенный, удесятёрённый, она знала, они прилетят, и скоро здесь не останется ничего – ни путей, ни обоза, ни аптеки...

Не думая, повинувшись первобытному чувству уйти от смертельной опасности, Мара бросилась в лес, ноги у неё были крепкие, тренированные в её балетной группе, там, в далёкой тайге, и она слышала, как позади уже вовсю грохотала бомбёжка.

Ночь была чёрная, тихая, осенняя, под ногами Мары тряслась земля, а она мчалась, ловко лавируя между деревьями, она таёжница, ей не привыкать, а лес казался парком по сравнению с местами непроходимой дальневосточной тайгой.

Ей казалось, что этот немецкий лётчик на «Мессере» прилетел не бомбить железнодорожные пути, а он прилетел уничтожить её, Мару, тринадцатилетнюю девчонку с мечтаниями балетной примадонны. Казалось, что он летел прямо над ней, Выискивал её, чтобы сбросить бомбу прямо на неё, Мару, и вдобавок прострочить её из пулемёта. Но она решила убежать от него.

Река! Вот этого она не знала. Довольно широкая, тихая, крутой обрыв.

– Ух! Ух! – грохотала бомбёжка.

Плавать Мара научилась на дальневосточной реке Зее, где вода была холодная, а течение быстрое, Зея была намного шире этой реки.

– Бух!

Она в воде и быстро плывёт на другой берег. Течение слабое, переплыла быстро, только озноб стал бить – ночь холодная, вода холодная...

Опять лес, опять она бежит, надо бежать, быстро, быстро...

Вдруг стало светло. Мара невольно подняла голову: в небе висел светящийся шар, он напоминал Маре керосиновую лампу, горящую в дымной комнате, в таких случаях говорили: «Фонарь повесил!». Мара знала, что иногда с немецких самолётов выбрасывают светильники, «фонари», чтобы осветить объект для бомбёжки. «Фонарь» светил недолго, но Мару опять охватил прежний ужас, – её большие серые глаза расширились и – она вся застыла. Вот теперь он её видит, он, немецкий лётчик на «Мессере», который расстреливал днём её аптеку из пулемёта. Вот он сейчас прилетит за ней и сбросит бомбу прямо на неё.

– Ух! Ух! – опять послышались взрывы бомб. Но вскоре после того, как «фонарь» погас, и после серии взрывов вдруг наступила тишина. Только тёмная ночь и лес. Мара, таёжница, знала, чтобы не кружить и выйти куда-нибудь, – ведь это была уже освобождённая от врагов земля, где-то должно же быть селение, нужно идти прямо, в одном направлении. Так она и выбиралась из тайги, когда, бывало, теряла ориентацию.

И она шла прямо, уверенно, – лес был какой-то домашний – ни завалов, ни бурелома. Холод? Сколько ей приходилось мёрзнуть там, на Дальнем Востоке.

Ну, конечно, холодно... Но она шла и шла, – хотя временами ей становилось жутко, казалось, что враг притаился, спрятался, он здесь, за стволами деревьев. Вот он стоит за деревом и прицелился в неё из винтовки, вот согнулся за кустом и сейчас её схватит...

И вдруг ей страшно захотелось спать. Она нашла пень около дерева, встала спиной к нему, лицом оставаясь в том направлении, в котором шла, села, прислонилась к дереву и мигом заснула.

По-видимому, она спала недолго, но крепко. Встала, встряхнулась и опять пошла, и тут она почувствовала, что

начинает светать. День! Скоро наступит день. Страшная ночь позади, и Мара пошла уверенней.

От радости, что наступает день, ей захотелось что есть мочи закричать, но она боялась даже издать глубокий вздох, ей казалось, что после хотя бы единого звука на неё неминуемо посыплются вражеские бомбы, и она радовалась свету тихо, про себя, продолжая идти вперёд, теперь уже быстрее, как бы всё ещё спасаясь от жуткой ночи.

Вскоре стало совсем светло. Показалась поляна. Мара улыбнулась этому зелёному пятну. Как хорошо! Тихо, и зелёная поляна. Оглядевшись, она увидела дом. Обыкновенный, деревянный, с крылечком, маленькими окошечками, с завалинкой, где рядом для просушки были разложены поленья.

Она опять испугалась. А вдруг из маленьких окошек по ней застрочат пулемёты?

Но было тихо. Очень тихо. Как ей вдруг захотелось увидеть человеческое лицо и услышать человеческий голос!

Тихо. Дом кажется необитаемым. Странно, что его не разбомбили. Как хочется войти в человеческий дом...

И тут она увидела рядом поставленные ульи. Она знала, что в этих деревянных домиках живут пчёлы... и страх её пропал – разве могут злые люди построить домики для пчёл? И другое – раз сушатся дрова, значит, кто-то здесь живёт.

Она немного осмелела и тихонько подошла к крыльцу, взошла на него и тихо открыла дверь.

Вошла в сени, где пахло травами, потом, так же тихо отворила дверь в избу. Её обдал запах чего-то давно не стирального, затхлого. Осмотрелась. А тепло-то как. Большая русская печь, некрашенный стол, лавки. В углу – ухваты.

Мара стояла, не шевелясь. Избушка казалась темноватой, сквозь маленькие оконца пробивался белесый свет раннего утра. На печи кто-то заворочался, закашлялся и скрипучий старческий голос пробормотал: «Ах ты, Господи!»

Мара спохватилась:

– Дедушка!

– Эй, кто там? – встрепенулся дед.

Высоким девичьим голосом Мара ответила:

– Это я... с поезда... нас бомбили... я убежала.

– Ох, ох, – раздалось с печи, потом свесились худые жёлтые ноги в белых штанах до лодыжек, лодыжки завязаны длинными тесёмками.

– Грехи наши...

Наконец, дед сполз с печи, и в удивлении они уставились друг на друга: и Мара, и дед смотрели друг на друга во все глаза – Мара никогда не видела такого старого человека. Ей вдруг вспомнилось, что там, на Дальнем Востоке, в бараках... совсем не было старых людей, были только те, кто работал. Интересно, почему? Она неожиданно отвлеклась от своих насущных проблем.

А дед увидел перед собой докторшу, городскую, лет пятнадцати, в белом халате, белой шапочке с красным крестом, всю мокрую, с мокрыми косами, завязанными лентами.

А Мара продолжала рассматривать деда: кожа его лица была совсем коричневой, в морщинах, волосы длинные и совсем белые и... борода. Мара ни разу в жизни не видела бороды, да такой длинной, ниже пояса. Она так же, как и волосы, была совершенно белая...

А поверх длинных белых штанов на худом, высохшем теле болталась широкая белая рубаша с длинными рукавами. Из неё высывались худые, такие же, как и лицо, коричневые руки.

Взгляд деда стал заинтересованным:

– Ишь какая! Как попала-то ко мне?

– Обоз, санитарный, красный крест, с медикаментами, я в аптеке... Днём прилетел «Мессер», нас рассмотрел, прострочил из пулемёта, улетел, а ночью прилетели все и нас разбомбили... Бомбили страшно...

– Бомбили? Что-то такое слышал вдалеке, да думалось – мне, старому, показалось, ведь тихо, как наши-то пришли, не бомбят... Эти-то откуда взялись? Уж наверное, последние... А поезд-то куда идёт?

– В Ригу.

– Да она-то, Рига, ещё у немцев, небось?

– Да, но её освободят.

– Как говоришь-то!

Дед вздохнул и помолчал.

– Похоже, что и освободят, так заранее наши-то готовятся?

– Готовятся, – ответила Мара, – чтобы жизнь сразу наладить.

– Похоже, что и наладят.

Дед опять замолчал и стал пристально смотреть на Мару.

– Ну а речка?

– Переплыла.

– Ишь ты, плаваешь... Тонка-то больно, а плаваешь...

Ох, ох. Сиди пока тут, я делом займусь.

Кряхтя, дед натянул поверх белых большие, неопределённого цвета штаны, всунул босые ноги в обрезанные валенки с галошами, поверх рубахи надел вылинявшую старую гимнастёрку, и всё так же кряхтя, тихо поплёлся к двери, вышел. Было слышно, что он где-то возится, представляя с грохотом какие-то вещи.

Мара села на скамейку. Как хорошо было сидеть, просто сидеть. Надо же, дед ей учинил целый допрос, но в конце концов поверил. Что ж, война...

Как тепло у деда! Хочется лечь прямо на пол, на широкие некрашенные доски и заснуть, заснуть под крышей...

Тут, кряхтя, появился дед с ворохом какого-то тряпья. Он, не торопясь, как всё, что он делал, разложил тряпье на лавке. Мара увидела длинную, какую-то просто музейную, побуревшую от времени солдатскую шинель, белую, как у деда, длинную рубаху. Белые штаны с тесёмками, и ещё что-то непонятное.

– Вон там ручей, вымойся, выстирайся, потом надень вот это.

Он протянул рубаху и штаны с тесёмками.

– Да не бойсь, сюда никто не приходит.

...Ручей был быстрый, чистый, прозрачный, холодный.

Мара выкупалась, выстиралась, натянула дедову рубаху и штаны, тесёмки подвязала. Удобно! Рубаха ей тоже понравилась, тепло, хорошо в ней. Вот бы подпоясаться! У деда, наверное, что-нибудь найдётся, хоть верёвка какая...

Солнечный день разгорался, и так хорошо было у ручья! И как её ласкала тишина!

Когда она вернулась в избу, то увидела на крашеном деревянном столе чугунок, две заскорузлые деревянные ложки, деревянную миску с мёдом.

Дед пригласил её к столу. Ели из чугунка горячий, распаренный в печи горох. Хлеба не было. Зубов у деда не было, он жевал дёснами, при этом всё лицо его ходило ходуном и борода колыхалась. Мара смотрела на него с интересом, такого она никогда не видела, а дед не обращал на неё никакого внимания, чему она была рада. Когда чугунок с горохом опустел, дед пододвинул миску с тяжёлым, ароматным мёдом, потом взял ухват и вытащил из печи другой горшок, достал с полки две берестяные кружки, таких Мара тоже никогда не видела, и налил в них из горшка.

Маре казалось, что она никогда не пила такого замечательно вкусного чая, да ещё с мёдом. Чай был горячим и пах дымком, мятой и ещё какими-то лесными травами.

– А теперь полезай на печь!

Мара долго стояла перед большой белой печкой и не могла сообразить, как на неё залезть, потом увидела небольшие стёртые выемки. На печи было много всякого тряпья и нечто вроде одеяла. Она чем-то покрылась и мгновенно провалилась в глубокий сон.

Проснулась она через сутки, утром. В избе было темно, в оконца барабанил сильный, крупный дождь. «Нелётная погода!» – первое, что пришло ей на память, и она вспомнила всё. На душе защемило: что с обозом? В её аптеке такие нужные лекарства! И она заплакала, вытирая слёзы широким рукавом дедовой рубахи. В сенях послышалось знакомое кряхтенье, потом появился и сам дед.

– Слезами горю не поможешь, чо ревьешь-то? Думаешь, все погибли? На то воля Божья, может быть и не погибли, на войне-то всякое бывает, глядишь, вот неминуемо человек погибнет, ан нет, жив, а другого так угораздит... Ну и спала ты, девка. Всё смотрел – жива ли – ни звука! Садись, вместе думать будем... Ну, что решила?

Мара, всё ещё отирая слёзы, решительно ответила:

– Надо к своим.

– Ну, молодец! Сразу увидел, что девка-то ладная. Конечно, к своим. Паёк, небось, дают?

– Дают.

– То-то и оно. И увидишь, что с твоей аптекой. Оно дело такое – где разбомбят, а где и что останется. А дело-то к зиме, холодать начало. Вот шинель, примерь, воевал в ней в первую европейскую, в четырнадцатом-то. Вишь, опять война, ох ты, Господи!

Мара надела музейную шинель. А хорошо! Шинель оказалась толстой, тёплой, длинной. Мара была высокая, и шинель ей была как раз до пят.

Дед одобрительно оглядел её.

– Ишь-ты, в самый раз оказалась. В этой шинели, ты, девка, не пропадёшь! Сам, было время, не пропал, да уж никак не думал, что опять пригодится.

Дед опять вышел и где-то долго возился, потом пришёл с длинной ситцевой юбкой в мелкий цветочек и ярким большим платком. Всё это он протянул Маре. Юбка оказалась длинновата, но Мара её приспособила, а как повязать платок, она не знала. Дед посмотрел ей на ноги и покачал головой.

– Ну, в этих босоножках далеко не уйдёшь.

И опять вышел.

В руках была пара старых ботинок с квадратными носами. Мара смотрела на них ошеломлённо. Не иначе, как из немецкого обмундирования первой мировой.

Наладили и ботинки.

Потом опять ели горох из чугунка и запивали его медовым чаем.

– Дедусь, а далеко до железной дороги?

– Далече. Вначале пойдёшь по дороге от моего дома, она заросла вся, потом выйдешь на большак, а последняя дорога за мостом, а вот есть ли тот мост, про то не ведаю, нынче мосты-то взорваны, и наши взрывали, и немцы, а может, наши-то и восстановили, да вот бомбили... может, опять разбомбили. Вот такие дела.

Дед помолчал, искоса поглядывая на Мару.

– Так решила разыскивать поезд? Скорей всего там и стоит, да, наверное, разбит весь.

И, как бы угадывая прежние Марины страхи, продолжал:

– Они, немцы, не тебя искали, ты им не нужна, а нужно им было пути разбить, да поезд, да мост, ишь, как ухало. Знатно бомбили!

Дед вздохнул, колыхнулась и опять легла борода. И он бородой показал на штаны, рубаху и бурую шинель.

Теперь Мара обрадовалась этим вещам. Весь её ужас перед ними мигом пропал. В них она дойдёт, обязательно дойдёт, как хорошо, что они есть. Мара туго заплела косу и надела поверх дедовых штанов юбку, обмотала голову какой-то пёстрой дедовой тряпицей, надела ботинки и шинель. Отстиранный белый халат, шапочку, платье и бельё аккуратно сложила и засунула в бездонный карман шинели. Шинель доставала ей до пят, была тяжёлая, но тёплая. Дед протянул ей берестовый коробок.

– Там немного мёду.

Вышел с ней на крыльцо, остановился под навесом, заглянул ей в лицо и трижды перекрестил сухими коричневыми пальцами.

– С Богом! – и ушёл.

Мару никогда не осеняли крестом. Бог был запрещён, но она слышала, что крестом осеняют от напастей. Самая главная напасть для неё сейчас была бомбёжка, неужели дедова сухая рука отведёт от неё эту напасть?

Вдруг на душе у неё стало тепло и светло, как будто... как будто кто-то (а может, дед?) будет хранить её.

Она обернулась на дедову избушку, мысленно пожелала мира этому дому и, уже не оборачиваясь, пошла по густо поросшей травой дороге. Дорогу плотно обступил лес, глухой, мрачный, высокий. Было слышно, как шумела вода в листве, где-то звенели струйки.

Мара шла быстро. Вскоре дождь прекратился, и это её напугало. Она остановилась, подняла голову и стала пристально всматриваться в небо. Там было всё в порядке: небо было плотно затянуто тучами. Под сильным ветром неслись

тёмно-серые облака, нигде ни просвета, ничто не предвещало лётной погоды.

Успокоенная Мара опять пошла быстро. Ей сильно мешал ветер, он развевал уже намокшие полы шинели. Шинель была ей очень велика.

Наконец, она вышла на большак. Он был сильно размыт и разбит, то и дело попадались воронки от бомб, некоторые были уже заполнены водой, по обе стороны большака их было много, видно, большак не раз и сильно бомбили.

Ни души! Лес по обе стороны большака кончился, и в открытом пространстве гулял ветер, время от времени пугающе завывая.

Мара шла быстро и, сосредоточенно уставившись на дорогу, обходила большие лужи и большую грязь. Не отвлекаясь на окружающий пейзаж, она смотрела только себе под ноги. Кругом было пусто, на развороченной земле был слышен только вой ветра. Постепенно она вошла в ритм и пошла размеренно, сберегая силы. Она не знала, что её ждёт и долго ли ей идти, лишь бы в пути её не застала тёмная осенняя ночь: начало смеркаться.

Уставившись взглядом в грязь дороги, понуриив голову, она стала вспоминать, а как в таких случаях поступал начальник обоза Владислав Гедиминович Вадзиш? Он обращался к начальникам станций. С ними он договаривался о продвижении поезда. Нервничал, пути не давали, с машинистами тоже было плохо, но она знала, что всё решает начальник станции.

Станция! Наверное, всё разбомбили! Пустыня! Ведь дед был уверен, что её обоз никуда не делся, там и стоит, где стоял, только весь разбитый. А люди! Вот бы прибежать сейчас в своё купе, тёплое, уютное, к Марии Ивановне, даже её громкий голос теперь Маре был не страшен, так хотелось увидеть её чёрные завитки, кольцами выбивающиеся из-под яркого платка, увидеть тихого, светлого Владислава Гедиминовича, собраться всем вместе на обед у костра...

И вдруг она резко остановилась.

Река!

Под сильным ветром одна на другую набегали волны. Дед говорил, что был мост. Да вот он! Он был весь искорёжен и перекручен, и напоминал какое-то доисторическое чудовище. Мара всем существом своим почувствовала, что сейчас ей уже не переплыть эту реку.

Надо пройти по тому, что осталось от моста. Если она сорвётся, то её увлечёт на дно тяжёлая дедова шинель образца 14-го года (или, как говорил дед, «первой европейской»).

«И раз, два, три... и раз, два, три...» – вдруг зазвенело у Мары в ушах. Урок балета. Она ведь лёгкая, гибкая, ловкая, может зацепиться за что угодно, повиснуть на чём угодно, даже на одной ноге, на руках...

Темнеет. Надо спешить!

«И раз, два, три... и раз, два, три!» – звенело у неё в ушах, ведь ей, «Трахоме», было тогда тоже очень страшно – танец не получится, засмеют, прогонят.

«И раз...». Схватила за остаток балки и сразу почувствовала, что мост был построен на совесть, крепко, и то, что от него осталось, надёжно. Шаг за шагом, зависая над рекой, держась то на одной ноге, то на руке и ноге, шаг за шагом, принимая причудливые позы, Мара медленно двигалась над рекой. Вот уже середина, здесь самое опасное место, тут на реке стремнина – самое быстрое течение...

Всё, она на другой стороне моста, ближе к противоположному берегу, ещё ближе и... Всё! Мост кончился! Между берегом и мостом была довольно широкая полоса воды.

«И раз, два, три...» Как будто учительница балета Галина Ивановна скомандовала ей сделать прыжок, Мара ведь отличалась длинными прыжками, летала как по воздуху... Да здесь и не было ничего больше – вода и воздух. Даже если упадёт в воду, зацепится за что-нибудь...

«И раз...» Мара сгруппировалась, нацелилась на берег, и...

Вперёд!

Так и знала, что не ушибётся, всё размыто дождём и земля мягкая. Берег, земля... А времени нет приходиться в себя, думать о том, что было бы, если... Встала, посмотре-

лась. Как быстро темнеет осенью! Как найти железнодорожный путь или то, что от него осталось?.. Моста они не проезжали, она бы запомнила, надо идти в сторону от моста... Но куда?

Выбрав намеченный путь, точно в сторону от моста, Мара быстро пошла. Ушибов не было, ведь она балерина, умеет падать... Она долго шла среди ночи, упорно преодолевая бездорожье.

«Не надо, не надо думать ни о страхе, ни об усталости, только вперед! Где-то он есть, этот железнодорожный путь». И только долгое время спустя она узнала, что река, которую она переплыла во время бомбёжки и с разрушенного моста через которую сделала свой перелёт на берег, называлась Волга.

Споткнулась, упала. Дедова шинель сделала падение мягким. Рельс! Вот радость-то! Прощупала в темноте – ну да, железнодорожный путь! Теперь – вдоль пути. Найти станцию, вернее то, что как-то напоминало станцию. Опять нужно настроиться на размеренный шаг, чтобы дойти... до чего-нибудь.

И вот – огонёк. Всё. Пришла. Это железнодорожная станция. Какое-нибудь абсолютно нелепое сооружение. Из чего? Из всего. Где сколочено, где привалено, где как. Таких она навиделась много. И по ним можно было определить, давно ли была бомбёжка. Мара решила постучать в нечто, что, по видимому, было дверью и услышала мужской, надрывающийся в трубку голос:

– Да говорю я вам, пути нет! Разбомбили вдрызг! Ну конечно, немцы! Откуда взялись? Я не знаю, откуда они взялись! Целая туча! Живого места не оставили! Что? Восстановительный поезд ушёл? Так пришлите обратно! Алло! Опять разъединили! Это кто ещё там? Мужчина в железнодорожной форме отодвинул большой лист железа.

– Вот сюда!

Мара робко вошла. Будка, или что-то в этом роде, была жарко натоплена, у телефонного аппарата коптил светильник, сделанный из патрона, на маленькой железной печурке мурлыкал жестяной чайник. Железнодорожник с усталым бессонным лицом вяло посмотрел на Мару, всем своим ви-

дом показывая, что ни желания, ни сил, ни времени разобраться с ней у него нет. Мара стояла, опустив руки. Железнодорожник всё так же равнодушно и вяло смотрел на неё, думал о своём. Взгляд его упал на её музейные армейские ботинки с квадратными носами, на шинель, образца 14 года, на яркий, плотно обмотанный вокруг головы платок и на выбившуюся из-под него косичку, завязанную белой верёвочкой.

На его измученном лице выразилось крайнее удивление и недоумение, как будто он видит то, чего никак не может быть, что-то совсем уж нереальное.

– Кто ты, что тебе надо и почему ты пришла ко мне?

– Потому что Вы, наверное, начальник станции.

– И что?

– Наш поезд... санитарный... с медикаментами...

– Мара?!

– Я...

– Меня о тебе запрашивали, говорят, ещё девчонка там была, Марой зовут...

– А они, все они? – едва дыша, спросила Мара, и слёзы уже текли по её щекам...

Начальник станции отвернулся. По его позе и молчанию Мара поняла, что их нет, никого нет.

– Погибли?

– Все. А ты-то как спаслась? – изумлённое выражение не покидало его лица, – Что-то на тебе совсем несуразное.

– Это от деда...

И Мара рассказала свою историю.

Начальник станции слушал её со всё возрастающим изумлением.

– Да, всего теперь много, и чудес тоже... Ну вот, чайник вскипел, поужинаем.

После ужина Мара, согревшаяся и немного успокоившаяся, почувствовала жгучее желание побежать к поезду, в свой дом, если он есть...

– А поезд пойдёт?

– Обязательно пойдёт, только не знаю, когда. Надо путями заняться, вот паровоз, машинист... Он махнул рукой.

– А мне можно туда?

– Можно, конечно, вот завтра утром и пойдём. А ты спи, устала, вон ящики...

Мара устроила себе постель, расположив ящики поудобней. В дедовой шинели ей было уютно и тепло. Заснула она беспокойным сном. Во сне видела яркую Марию Ивановну с чёрными завитками над ухом, Владислава Гедиминовича с его ласковой улыбкой, говорившего, что наконец-то дали путь, белую дедову волнующуюся бороду.

Часто просыпалась от громкого голоса начальника станции, кричащего в телефонную трубку. Она проснулась, когда было уже совсем светло, и тихо пел всё тот же жестяной чайник.

– Ну, пойдём! – сказал начальник станции, как только увидел, что она открыла глаза. – Вот быстро попьём кипятку и пошли.

День был ветреный, но дождь перестал. Мара шла с трудом, тяжела была шинель, а начальник станции, казалось, бегом бежал. Мара еле успевала за ним. Так и пришла, едва переводя дыхание, и... увидела поезд.

Она даже не заплакала, а остановилась, широко распахнув глаза.

Их поезд! Их дом!

Вагоны стояли дыбом, сбившись в кучу. В небо, как стрелы, врезались отодранные от шпал рельсы, а то и вместе со шпалами. На месте паровоза зияла огромная воронка от бомбы, труба паровоза валялась далеко от воронки. Всё пространство было покрыто битым стеклом. Неудивительно, что невозможно было уцелеть в такой мешанине. Мара подумала, что неприятель сбросил на их поезд все бомбы на свете. Дался им наш поезд!

Но почему же наш поезд? Вот дед сказал: «им нужно разбомбить железную дорогу, ты им не нужна!» Да, конечно, Мара была им не нужна, но она бы неминуемо погибла, если бы не убежала с такой стремительностью и не переплыла реку.

Она стояла, окаменев от вида полного разгрома поезда, в то время как начальник станции внимательно осматривал

всё – пути и вагоны. Казалось, ни одна деталь не проходила мимо, при этом он делал записи в блокноте. Лицо его было строго и сосредоточенно. Маре было ясно, что он думал совсем не о том, что жаль потерь, а о том, как быстрее привести поезд в максимально возможный порядок, восстановить путь и пустить составы.

И Мара решила, что она тоже не имеет права предаваться горю и размышлениям, а нужно делать дело. Может быть, ещё возможно спасти часть медикаментов и собрать то, что осталось, вычистить менее повреждённые вагоны, посмотреть, можно ли ещё чем-то воспользоваться. А что, если будет ещё налёт? И тотчас же отбросила эту мысль, ведь примут же меры, чтобы этого не было!

Мара с трудом узнала вагон, где хранились медикаменты и было её жилое купе. К счастью, он не опрокинулся, хотя был весь в выбоинах и сильно покорёжен. Она обошла вагон, примериваясь, как в него влезть, потом нашла перекошенный поручень, ухватилась за него, подтянулась и забралась в вагон. Под ногами хрустело разбитое стекло, девочка шла медленно и осторожно, потом остановилась перед своим жилым купе. Всё перевёрнуто, верхние полки отлетели, стёкла выбиты, свалка, пересыпанная битым стеклом.

Мара заглянула в отсек с медикаментами. Совершенно невозможно было понять, что цело. В крыше вагона зияла дыра. И всё-таки... надо попытаться всё это разобрать, раненым в санитарном поезде нужны медикаменты. Если только у неё хватит сил, она разберёт.

А кто же теперь начальник санитарного обоза? Никого. Она, Мара. Она возьмёт всё на себя. Она вылезла из вагона и осмотрелась, отыскивая начальника станции, нашла его под вагоном, подождала, пока он вылезет. Потом подошла к нему решительным шагом, стала во фронт и разом выпалила:

– Товарищ начальник станции, разрешите навести порядок?!

Совершенно неожиданно начальник станции улыбнулся и лицо его засияло молодостью.

– Наводи порядок, только осторожно, здесь стекла много. Хозяйничай!

Мара осталась одна и задумалась, с чего начать строить свой изломанный дом? Сумеет ли? Она опять влезла в вагон. Надо работать быстро, чтобы успеть что-либо сделать до темноты. Долго она рассматривала огромную кучу, не зная, как её разгрести, потом решила, что быстро ничего не выйдет, надо осторожно, сверху. Попыталась, не выходит, чуть не поскользнулась на плотно покрытом битым стеклом полу.

Нет. Не с этого нужно начинать. Надо вначале вынести и убрать стекло. Пошла в лес, наломала веник, остановилась у ручья, где она брала воду для обеда с Вадзишами. Села на пенёк. Ручей бежал быстро и всё так же безмятежно журчал, а Маре казалось, что жизнь с разгромом их поезда прекратилась. Нет. Не прекратилась. Журчал чистый ручей, шелестел в ветвях ветер, холодный ветер, который не ласкал листья, а гнул ветви книзу. Попила воды, вытащила из огромного кармана шинели жбанчик с мёдом, глотнула мёду, потом опять воды. Вздохнула и пошла разгрести обломки.

Дело зашпорилося, как только она освободилась от стекла. Сил не хватило снять сбитые верхние полки, но Мара, будучи девочкой очень ловкой, догадалась столкнуть их на пол и, толкая, вытащила из купе. Хорошо! Ещё одну!

Ой, устала, посижу, отдохну, нет, некогда, надо вытащить и выбросить большие куски стекла. Выбросила. Теперь... их паёк! Банки с консервами, крупа, жир, всё цело! Даже банки не разбились, верхние полки загородили. Но готовить обед поздно, уже темнеет. В разбитое окно дует холодный ветер, Мара устала. Опять попила дедов мёд. Надо сделать постель.

Усталая, она закуталась в дедову шинель и, подтянув ноги, заснула. Спала крепко, проснулась рано, было ещё темно. Часов нет. Сколько, интересно, времени? Сколько бы ни было. С вечера на столике она приготовила найденную на полу зажигалку Владислава Гедиминовича. Можно будет разжечь костёр и приготовить сытный завтрак, согреться, работы ведь так много!

Надо набраться смелости, чтобы войти в тёмный лес. Ручей. Мара умылась, набрала воды. Дрова у неё есть, она

аккуратно сложила в коридоре вагона все разбитые деревянные части и щепки.

Вот и костёр горит! Когда рассвело, Мара уже сварила в котелке кашу и вскипятила чай. Она увидела начальника станции, быстро шагавшего под ветром. Пригласила его на завтрак. Он поблагодарил, с удовольствием съел миску горячей каши с тушёнкой, выпил чая, заваренного на мяте. Делал он это точно так же, как и Владислав Гедиминович, как бы не замечая еды, целиком погружённый в свои мысли. Посмотрел, как Мара устроилась, похвалил, опять стал осматривать вагоны и что-то записывать.

Мара помыла посуду, убрала костёр, залезла к себе в купе. Вот бы окно забить! Ничего, можно употребить одеяло. Темновато, но тепло. Затем пошла в отсек, где были медикаменты. Казалось, что не осталось ничего, перед Марой была какая-то бесформенная куча. А как врачи ждали медикаментов! Как спорили между собой, кому чего и сколько надо! А как нужна была кровь!

Аптека была особым отсеком. Владислав Гедиминович сам делал полки, расставлял коробки с лекарствами и перевязочными средствами, изобретая способы крепления, и много времени проводил в этом отсеке. Мара часто помогала ему. Ей нравилось аккуратно расставлять разные коробочки, баночки, пакетики. Часто Владислав Гедиминович посылал её посмотреть, всё ли в порядке. Она медленно обходила все полки и, если видела, что что-нибудь сползло или накренилось, всё приводила в порядок, а потом докладывала начальнику поезда.

А что же теперь, когда всё смешалось в одну кучу? Но опыт уже есть, сначала надо вынести разбитое стекло. А затем разбирать и попытаться расставить всё так, как было – перевязочные средства в одном месте, медицинские инструменты и приборы – в другом, банки с мазями, ампулы, таблетки... Разорванное, рассыпанное и разбившееся – выкинуть, всё равно нельзя использовать.

В середине дня, несмотря на усталость, настроение у Мары улучшилось, можно спасти часть медикаментов! И тут она увидела большие картонные коробки с надписями на англ-

лийском языке, это, она знала, от союзников, врачи это называли очень хитро. Мара не запомнила, но хорошо усвоила, что это им было очень нужно.

Мара аккуратно передвинула тяжёлые коробки, они как-то особенно хорошо сохранились, вот теперь их нужно довести, обязательно довести. По предварительным Мариным подсчётам, сохранилась третья часть медикаментов. Мара работала, сколько у неё хватало сил. На следующий день отсек с медикаментами был полностью приведён в порядок. Всё, всё очень пригодится!

Начальник станции всё-таки дозвонился и вытребовал восстановительный поезд. Состав медленно подполз к разбомбленному обозу. Мара показала начальнику станции всё своё хозяйство, она навела порядок и во всех других целевших вагонах с очень нужными хозяйственными вещами.

Восстановители сразу взялись за дело, и загрохотало железо, к вечеру работы кончались, и всё погружалось в осенний мрак и сырость. Вечерами и ночами Маре было особенно страшно. Ей мерещился вой вражеских моторов в небе, и она с нетерпением дожидалась рассвета. Продуктов у неё было вдоволь, своих и Вадзишей. Маре было тепло спать под дедовой шинелью, но её ни на минуту не покидал страх налёта новых «Мессершмидтов», хотя начальник станции и уверял, что их не будет, аэродром обнаружен и уничтожен, но иногда она не могла заснуть до самого рассвета.

Работы шли быстро. Годные к движению вагоны были выстроены в ряд, ненужное убрано, пути восстановлены. Вскоре задом наперёд притащили какой-то двугорбый, неизвестных времён паровоз, маленький, как игрушечный, вроде тех паровозиков, что Мара видела на детской железной дороге, а когда Мара увидела машиниста, глаза её раскрылись широко. Это был совсем ещё мальчишка, чуть постарше Мары.

Дни тянулись медленно, тоскливо. Мара сумела сделать всё, что могла – оставшиеся медикаменты были в полном порядке, как и весь вагон, который подлатали железнодорожники из восстановительного поезда – окна заделали фанерой, даже в одно из окон купе, где жила Мара, вставили стекло. Дверь в купе теперь закрывалась, а дедова шинель

спасала от холода. В солнечные дни Мара грелась на солнце и всегда угощала всех, кто найдётся вблизи, кашей с тушёнкой и кипятком с мятой. А мальчишка? Теперь она стала думать о нём. Что-то очень знакомое – как будто пахнуло на неё запахом тайги.

Но мальчишка был занят своим паровозом. Там толпились железнодорожники, громко обсуждавшие свои производственные вопросы, слышались яростные споры и бранные словечки, которых Мара очень боялась. Она никогда туда не ходила, да и незачем ей было туда ходить, начальник станции осмотрел её работу, похвалил и сказал, что скоро будет путь, а ехать ей совсем немного, один перегон. Их разбомбили почти что перед станцией назначения – первой латвийской станцией Латвийской железной дороги – Резекне.

Поезд уже был готов к отправлению, годные вагоны сцеплены и прицеплены к паровозу. Когда Мара осматривала уже готовый состав, она невольно вздыхала: вид у него был совсем никудышный, сразу было видно, что он попал в хорошую переделку и еле живой. У Мары вид был не лучше. Она как-то усохла, поникла. По ночам она не спала, ожидая налётов. Как-то она кашеварила на костре. Вдоль состава чинно двигался мальчишка-машинист, она пригласила его поесть каши.

Он сел на корточки, взял миску с кашей и ложку, потом поднял глаза на Мару и заорал на весь окрестный лес:

– Трахома!

– Только Трофимов! – удивлённо и тихо сказала Мара.

– Вот встреча!

После обеда они долго рассказывали друг другу, что с кем приключилось, и как они сюда попали. Только Трофимов учился в школе машинистов, но внезапно, не дав закончить обучение, часть из них, наиболее подготовленных, прислали сюда. А тут эта бомбёжка! Вот его и назначили машинистом, ведь пройти надо было только один перегон. Только осматривал Мару со всех сторон, особенно ему понравилась шинель.

– Здорово! Аж с первой мировой!

И два подростка дружелюбно посмотрели друг на друга, – вот им и выпало доставить состав-инвалид к месту назначе-

ния. Мара немного повеселела и вспомнила задорное Толькино восклицание: «Дойдём!».

Но казалось, состав не дойдёт, развалится. Но он дошёл. После долгих дней и ночей дошёл. Вполз медленно, охая и крѣхая, на станцию назначения – первую станцию Латвийской железной дороги, освобождённую от врага.

Уже наступила холодная осень, сильный ветер завывал в выбоинах и пробоинах вагонов. Было тихо, казалось, что на станции нет ни души. Марин вагон остановился как раз против здания станции, и Мара страшно удивилась, увидев, что здание совсем цело, нормальная железнодорожная станция. Она привыкла видеть вконец разбомбленные вокзалы с едва установившимися путями.

Что же делать?

Она услышала голоса:

– Что за состав прибыл?

– Да тот самый, с медикаментами, который разбомбили.

– Кто же его сопровождал, ведь все погибли?

– Нет, не все. Девочка, у неё мать – врач, спаслась, она и довезла.

– А где она?

Мара решила, что ей теперь ничего не надо делать, ничего, решительно ничего. Она сделала всё, что только было в её силах, просто надо выйти из вагона, в своей тёплой, длиннополой, невероятной дедовой шинели, в плотно повязанном платке. И она вышла и встала как хозяйка, рядом со своим разбитым и перекорёженным, но доставленным составом. К ней подошёл железнодорожник.

– Это ты – Мара?

– Я, – устало и серьёзно ответила она.

– Не ожидал... – сказал он с сомнением в голосе, сочувственно осматривая Мару.

Она поняла, что он имел в виду. Она, тем более в этой шинели, выглядела совсем взрослой. Лицо у неё было измученное. Глаза, ставшие огромными, смотрели устало.

Да, она смертельно устала. У неё было ощущение, что у неё жар, и всё кругом виделось как в тумане: из здания

вокзала выбежали медики, целая толпа. Как они узнали про медикаменты? Все галдели, выкрикивая, что кому нужно, всем нужно было всё, но их уже опередил Мартиныш, бухгалтер, он тоже кричал, размахивая папкой и счетами:

– Надо всё оприходовать, всё, что осталось, а может быть, ничего не осталось?

Мара взяла себя в руки, отдыхать рано, пригласила Мартиныша и стала показывать всё, что у неё есть.

– И это ты всё сделала сама?

У Мары не было сил отвечать. Она только показывала, что где, и называла медикаменты, хозяйственные вещи, приборы. Мартиныш деловито заполнял расчерченные листы, изредка бросая удивлённые взгляды на Мару и стараясь представить, как она со всем справилась. Показав ему всё, Мара вышла из вагона и увидела около станции несколько санитарных автомобилей. У одного из них стоял врач, Пётр Иванович, но она никак не могла подумать, что он приехал за ней.

– В госпиталь! – скомандовал он.

Мара вошла в автомобиль, легла на носилки, по привычке закуталась в дедову шинель и сразу заснула, а санитарный автомобиль увёз её в другую жизнь.

...Начальник штаба оперативной железнодорожной группы генерал Ноздрачёв сидел за столом, крепко сжав голову руками. В окна штабного вагона бил холодный осенний дождь, но в вагоне от маленькой печурки исходило тепло. Телефоны не звонили, он сидел один и был целиком поглощён своими мыслями. Кадры! Какие отличные кадры прибыли в Ржев, где формировалась оперативная группа. Всё, что надо. Все службы. Латыши, русские. Многие из русских родились и жили в Латвии, знали латышский язык. Как этот врач с девочкой Марой. Как он боялся растерять их!

Когда началось наступление, и железнодорожные составы двинулись за наступающими войсками, мать девочки вместе с врачебно-санитарной службой была в одном из первых составов, девочку в целях безопасности Ноздрачёв послал в последний состав, в обоз с хозяйством и медикаментами под руководство доброго семьянина Вадзиша. Девочка

была в семье. И надо же такому случиться, что именно этот обоз и разбомбили! Последние «Мессершмидты» из Курляндской группировки.

Ноздрачёв запомнил эту девочку. Лёгкая, быстрая, сероглазая, в голубом платье с оборками, она украшала весь их суровый быт на колёсах в дотла разбитых железнодорожных станциях, где вдали виднелись мёртвые, страшные своей тишиной города. Она сама пришла в штабной вагон и попросила работу, а он долго думал, что ей предложить, потом она стала отличной связной, её голубое платье так и мелькало в разных формирующихся частях, а потом она нарисовала стенгазету, да ещё стихи написала:

«Наши ОРСы ходят форсы,
Папиросы курят сами,
Дым пускают колесами.»

Это об одном отделении, которому табаку не додали. Ноздрачёв вздохнул. Как хотелось послать её в школу! А вокруг разбомбленные станции и мёртвые города.

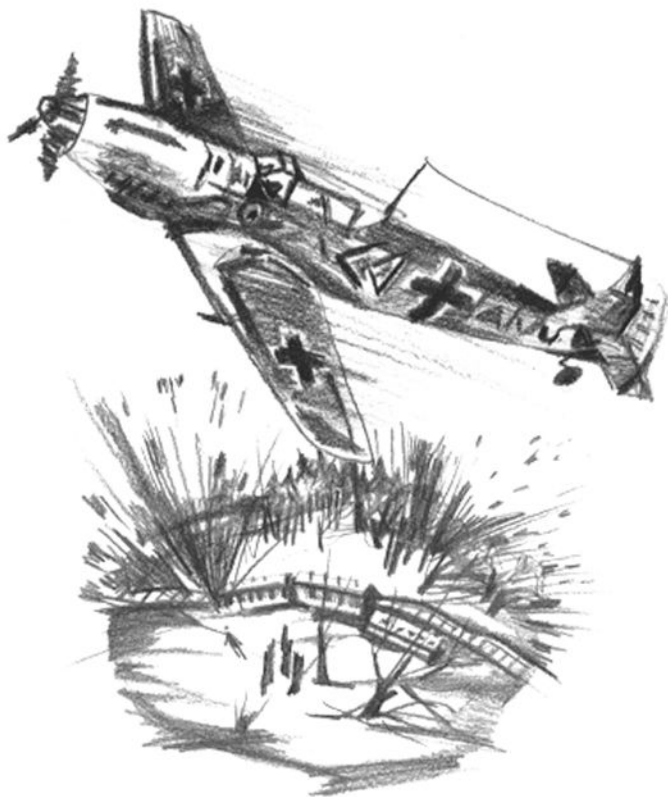
Сегодня ему доложили, что Мара спаслась, переплыв Волгу, за реку бомб не бросали, жила в лесу у какого-то деда, вернулась в обоз, разобрала и сохранила всё, что смогла, и довезла состав в полной сохранности – бухгалтер Мартиньш был поражён порядком. И такое взять на себя в её возрасте... Ноздрачёв увидел подходившего к штабному вагону шофёра Беркутова.

- Разрешите обратиться, товарищ генерал!
- Докладывайте.
- Все медикаменты доставлены в госпитали и в медицинские части.
- Ну как медики?
- Очень были рады, назвали меня их спасителем, товарищ генерал. Некоторые медикаменты сразу же пошли в операционную, кровь, стерильные перевязочные средства, операционные инструменты.
- Всё было в порядке?
- В образцовом. Всё было только годное, в неповреждённой стерильной упаковке, просто удивляюсь, как девочка могла такое сделать. Ведь она ещё ребёнок!

- Я тоже поражён. Поинтересовались, как она?
- Мне сказали, что у неё сильное нервное истощение, но организм здоровый, может ещё поправится.
- Навестить её можно?
- Через несколько дней. Здесь недалеко есть оставленный хутор, товарищ генерал, в саду огромные антоновские яблоки висят, я припас для неё.
- Отлично! Доложи, когда можно будет навестить, поеду лично.

Оба замолчали. В наступившей тишине дробным барабанным боем стучали в окна вагона крупные капли холодного осеннего дождя. Пронзительно зазвонил телефон. Резким уверенным движением Ноздрачёв снял трубку.

ЧАСТЬ 3
ПОКАЯНИЕ ВРАГА.
ПОСЛЕДНИЙ «МЕССЕРШМИДТ»

Мару замучили воспоминания и сны. Один из самых ярких моментов – ей пришлось ехать в пассажирском поезде по тому пути, где разбомбили их санитарный обоз времён войны. На станцию Ржев поезд прибыл ночью и стоял долго, Мара проснулась, увидела ярко освещённую платформу, саму станцию, новое красивое одноэтажное здание. В ночи было тихо, мимо её окна прошли двое. Их разговор изумил её.

– Так ты где сейчас живёшь? – спросил один.

– Здесь, на Ноздрачёвке.

Генерал Ноздрачёв был тогда начальником штаба их оперативной группы, в которую входило всё восстановительное железнодорожное хозяйство. Его штабной вагон находился где-то в районе вот этой станции, основные службы были разбросаны на значительные расстояния.

В штаб ходили пешком, и место окрестили Ноздрачёвкой. Говорили: «Ну, ты куда?» «Да опять на Ноздрачёвку». Интересно, что отсюда и пошло название района восстановленного города.

То она видела во сне и остро чувствовала, что её выход, она пристально смотрит на так знакомые ей доски сцены. То она, уже наяву, опять вспоминала Галю Уварову и своё острое чувство к Гале – она чувствовала, что Галя одинока и несчастлива, несмотря на блистательную жизнь на сцене. Они почти не разговаривали, но иногда обменивались взглядами. Мара танцевала хорошо, педагоги всегда подчёркивали её удивительную лёгкость, она почти не касалась пола, парила. Она много работала над техникой, и её влюблённость в танец, и её мастерство срывали ей аплодисменты, хотя её балетные роли были не очень значительны. Но несмотря на всё это, не было выхода, перед которым она бы не волновалась, хотя всегда всё шло хорошо.

А Галя? Вот чего ей никогда не достичь! Она долго думала, как это назвать. Величие. Вот это что! А она, Мара, она – «Трахома». В течение всей жизни ей так и не удалось избавиться от ощущения «противной девчонки». Надо с этим бороться, не предаваться воспоминаниям, лучше уходить из

одиноким квартирой и бродить где-нибудь весь день, благо осень – её любимое время года, а в городе Гатчине, где она теперь жила, осень была особенно хороша. Мара вышла на балкон и залюбовалась осенними деревьями.

...Ей позвонили из городской библиотеки – в город приезжает делегация из нескольких европейских стран. Девиз и название самой организации довольно странные: «Моральное перевооружение».

Мара поморщилась. Её приглашали в качестве переводчика и заранее заявили, что за работу не заплатят. А работа трудная. Мара знала, что это такое, да ещё таинственное моральное перевооружение.

– Вы, конечно, можете отказаться, – заявил голос в трубке.

Но Мара следовала старой, годами выработанной привычке – не отказываться от общественных работ, как тогда говаривали: «стыдно перед товарищами».

Ей не было стыдно. Она знала, что такое иностранные делегации «с бору по сосенке» – плохой английский, плохой немецкий, говорят быстро, сбивчиво, сплошь и рядом отходят от темы и говорят то о личных впечатлениях от увиденного, то пускаются в философию, смысл которой очень трудно уловить...

И что бы это могло означать – моральное перевооружение? И почему они явились с этим моральным перевооружением в пригород? Но Мара согласилась. Ладно, как-нибудь разберусь, – ведь будут и другие переводчики, и тоже за так.

Большой актовый зал библиотеки был полон. Все стулья заняты, в проходах и у стен стояли горожане. Делегация сидит за столом, все в летах и все улыбаются. Мара переводила с английского первое выступление – главы делегации. Улыбающаяся дама говорила о том, что всем нам, народам Земли, надо морально перевооружиться. Мы воевали друг против друга. Войны на Земле надо кончать. Мы должны обоюдно извиниться за то, что нанесли друг другу вред. Далее последовали разные речи, весьма путанные, Мара сплошь и рядом просила говорить яснее, а слушатели в зале,

в котором стояла какая-то непривычно напряжённая тишина, и того меньше понимали ораторов. Маре выдался небольшой перерыв, переводили с польского, и она машинально рассматривала членов делегации.

Худошавый, высокий, подтянутый мужчина, по всей вероятности, бывший военный, привлёк внимание Мары, и ей показалось, что она его где-то видела раньше, только очень давно, в другой жизни.

Переводить с польского перестали. Опять очередь Мары, на этот раз перевод с немецкого. Глава делегации представляет сухощавого подтянутого немца, привлёкшего внимание Мары.

– Господин Гюнтер Клаус.

Мара встала рядом с ним для перевода. Он улыбался, стараясь придать своему лицу самое дружелюбное выражение, и прямо смотрел в зал. Долго молчал, как бы собираясь с духом, наконец произнёс по-немецки:

– Я бомбил Гатчину.

Улыбка и дружелюбное выражение не сходили с его лица. Мара онемела. Как ей сказать по-русски эти слова своим соотечественникам? Как? Она молчала, а Гюнтер Клаус продолжал:

– И не только. Я во многом виноват, однажды мне был дан приказ выискать на железнодорожном пути хоть что-нибудь и разбомбить. Это было не здесь, но днём, когда я прилетал на разведку, я увидел состав с красным крестом, Ночью мы прилетели всей эскадрильей и разбомбили... – он запнулся, – хорошо.

Я прошу у вас прощения. Я действовал по приказу фюрера.

«Так это он, это был их состав, санитарный обоз, так это он!»

Тишина в зале наступила необыкновенная, когда Мара, собрав все силы, чтобы не упасть, чётко перевела с немецкого его слова. Мара знала, что она должна перевести, и перед тем, как начала переводить, почувствовала себя, как перед прыжком в ледяную воду или ещё куда-то, в какую-то жуть, в пропасть... Только бы не потерять самообладания и говорить ровным, бесстрастным голосом.

Немец сел. Ответом ему была какая-то совершенно ненатуральная тишина. Онемела и Мара. Видимо, «моральное перевооружение» даёт совсем не те результаты, на которые рассчитывали устроители. Что чувствуют в зале? Почему они так странно молчат?

Мара окаменела, это тот самый последний «Мессершмидт», который громил их утлый санитарный обоз? А граждане Гатчины? Тоже окаменели? Что-то вспомнили? Маре захотелось быть где угодно, только не в этом зале. Так это он, сбросив где-то все бомбы, расстреливал их обоз из пулемёта?

Гюнтер Клаус больше не выступал. Он сидел за столом, и его лицо уже ничего не выражало. Он один просил прощения. Остальные говорили о чём угодно. Мара напряжённо переводила.

И конечно, русское гостеприимство, русский самовар. Граждане города медленно и как-то угрюмо покидали зал. В небольшую банкетную комнату библиотеки к самовару пригласили делегацию, переводчиков и библиотекарей. Мара, всё ещё в окаменелом состоянии, сидела рядом с Гюнтером Клаусом. Он был весьма любезен и вёл себя как светский человек, обходя темы войны, и вместе с остальными членами делегации наслаждался чаем из кипящего самовара и русской закуской. Они говорили о музыке. Одна из членов делегации оказалась профессиональной пианисткой и пригласила всех на бесплатный концерт в зале местной музыкальной школы. Программа дивная, все Марины любимые композиторы. Мара очень любила фортепьянную музыку.

Но нет! Она, конечно, не пойдёт! С неё хватит этих деятелей «морального перевооружения»!

Видимо, извинения должны приноситься где-то на высоких правительственных уровнях...

С трудом высидев чаепитие, Мара вышла из библиотеки, с таким же понурым видом, как и граждане города. Куда пойти? Как снять напряжение, которое, как по опыту знала Мара, может длиться очень долго? Совершенно не ведая, куда идёт, Мара очутилась в густых зарослях парка. Ей надо было разобраться в своих чувствах. Гюнтер Клаус – он

всё-таки извинился, хотя все остальные говорили на совершенно отвлечённые темы, видимо, у всех были абсолютно разные цели – одни путешествовали, пианистка хотела продемонстрировать и своё искусство, и себя, пользуясь образованным комитетом, а он, Гюнтер Клаус, имел своей целью это, видимо, давшееся ему с трудом, извинение перед российскими гражданами.

Что ж! На войне как на войне, каждый делал своё дело – Гюнтер Клаус выполнял приказ фюрера – «бомбить всё», Мара – доставить важный груз, медикаменты, по назначению. Рисковал каждый. Своей жизнью. Гюнтер Клаус в небе, их эскадрилью могли, в принципе, атаковать русские истребители, (но таковых на то время не оказалось, аэродром Гюнтера Клауса был тайным, его обнаружили только после налёта на Марин обоз). Что она чувствовала по отношению к Гюнтеру Клаусу? Ненависть? Нет. Ничего она не чувствовала. А что чувствовали граждане города? Мара не знала. Простили ли они Гюнтера Клауса? Они ответили просто гробовой тишиной. Простила ли его Мара? И да, и нет, а в общем-то, у неё возникло одно состояние – равнодушные – что было, то прошло.

И тихо, в наступающих сумерках и в тумане, над одним из гатчинских озёр, растаял образ Гюнтера Клауса. Возник другой образ – её матери, ненавидевшей её только потому, что она есть на свете. Вот если бы... если бы её мать, а не Гюнтер Клаус, просила бы у неё прощения за избиения, оскорбления, за содержание Мары в голоде и холоде... вот тогда бы... она бы бросилась к её ногам, простила бы всё. А если бы мать Мары сказала ей хоть одно ласковое слово... Но нет. Её мать этого не сделала, во всех ситуациях она встречала её гневно горящими большими, ненавидевшими карими глазами и плохими словами.

На её похоронах Мара плакала совсем не так, как плачут на похоронах, она плакала оттого, что уже нет никакой надежды услышать от матери хоть одно, одно-единственное ласковое слово...

Но хватит размышлять... Иначе она впадёт в длительную депрессию. Депрессии посещали её всю жизнь. Она так

и не избавилась от комплекса «Трахомы» – противной девчонки, у неё так и не хватило апломба или величия, чтобы стать прима-балериной. Так и во всём – она бежала от людей, и этот комплекс не переставал преследовать её вплоть до этой минуты.

Она посмотрела на небо – собирается ли дождь?

«Мессершмидт»... Они больше не летают над её Родиной. Небо чисто. И совсем внезапно ей вспомнился старик-пасечник с длинной седой бородой, солдат первой мировой, чья шинель так помогла ей и на которого она набрела, выйдя из леса, вся мокрая, потому что, спасаясь от Гюнтера Клауса или кого-то ещё, переплыла Волгу...

Вот он перед ней, как живой, с зорким, не старческим взглядом:

– Это уже последний. Последний «Мессершмидт».

г. Гатчина, 1 июля 2005 г.

Содержание

Предисловие	3
ЧАСТЬ 1	
ПРОТИВНАЯ ДЕВЧОНКА	5
Глава 1	
Брусничная поляна в дальневосточной тайге	6
Глава 2	
В бараке	7
Глава 3	
Надо идти в школу	14
Глава 4	
Первое сражение	21
Глава 5	
А на свете есть балет... ..	26
Глава 6	
Какие бывают зеки	31
Глава 7	
У станка	34
Глава 8	
Удар	37
Глава 9	
Враг кого, чего, почему враг?	41
Глава 10	
Дебют	45
Глава 11	
Трахома!	49
Глава 12	
Что такое любовь	54
Глава 13	
Тайга уходит	57
ЧАСТЬ 2	
ШИНЕЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ	60
ЧАСТЬ 3	
ПОКАЯНИЕ ВРАГА. ПОСЛЕДНИЙ МЕССЕРШМИДТ	87

*Язовская
Лариса Михайловна*

ИП Генкин А.Д.
Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40,
Тел/факс (812) 766 05 66 E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
Редакция Тел. (812) 773 92 83 E-mail: schvec@mail.ru

Подписано в печать 17.01.2006
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6. Тираж 200. Заказ № 76
Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»